

18+

КРАСНАЯ СТРОКА

ОТЦЫ и МАТЕРИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Александр Королёв
Алена Кубарева
Галина Стеценко
Галина Талалаева
Дмитрий Апполонов
Екатерина Осорина
Елена Громова
Елена Гусева
Жанна Варнавская
Зоя Донгак
Лариса Кеффель
Лариса Кравчук
Лариса Мезенцева
Михаил Кромин
Наталия Ячеистова
Наталья Зайцева
Ника Сурц
Нина Гаврикова
Нина Кромина
Нина Шамарина
Ольга Борисова

**Сергей Мельников
Татьяна Бугримова
Татьяна Матягина
Юлия Великанова
Юлия Грачева
Юлия Пучкова
Отцы и матери**

<https://litres.ru/74268718>

ISBN 9785007045346

Аннотация

ЛИТО «Красная строка» выпускает не первый свой сборник, при том второй год подряд — это не просто сборник рассказов разных авторов, но и сборник рассказов и миниатюр на определенную тему. Тема этого года — родители и дети, матери и отцы. Здесь собраны и воспоминания о детстве, и материнские рассказы от первого лица, и рассказы с точки зрения опытных взрослых людей на их родителей — неидеальных, в чем-то небезупречных, но бескорыстно любящих своих маленьких и взрослых детей.

Содержание

Часть 1. Материнская любовь	8
Предисловие. Материнская любовь	8
Алёна Кубарева	8
Дмитрий Апполонов	12
Давай поговорим	12
Ольга Борисова	28
Две сестры	28
Ольга Борисова	34
Три женщины	34
Татьяна Бугримова	42
Стела Победы	42
Жанна Варнавская	48
Теперь можно улыбаться	48
Юлия Великанова	54
Букет с ягодами	54
Юлия Великанова	61
Чересчур четко	61
Гаврикова Нина	67
Сахарница	67
Гаврикова Нина	76
Наследственность	76
Юлия Грачева	78
Свекровь	78

Елена Громова	86
Всплеск	86
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Отцы и матери

Авторы: Кромина Нина, Апполонов Дмитрий, Борисова Ольга, Бугримова Татьяна, Варнавская Жанна, Великанова Юлия, Гаврикова Нина, Грачева Юлия, Громова Елена, Гусева Елена, Донгак Зоя, Зайцева Наталья, Кеффель Лариса, Королёв Александр, Кравчук Лариса, Кромин Михаил, Куварева Алена, Матягина Татьяна, Мезенцева Лариса, Мельников Сергей, Осорина Екатерина, Пучкова Юлия, Стеценко Галина, Сурц Ника, Талалаева Галина, Шамарина Нина, Ячеистова Наталия

Дизайнер обложки Сергей Мельников

Редактор Нина Кромина

Составитель Нина Шамарина

Корректор Нина Шамарина

© Нина Кромина, 2026

© Дмитрий Апполонов, 2026

© Ольга Борисова, 2026

© Татьяна Бугримова, 2026

© Жанна Варнавская, 2026

© Юлия Великанова, 2026

© Нина Гаврикова, 2026

© Юлия Грачева, 2026

© Елена Громова, 2026

- © Елена Гусева, 2026
- © Зоя Донгак, 2026
- © Наталья Зайцева, 2026
- © Лариса Кеффель, 2026
- © Александр Королёв, 2026
- © Лариса Кравчук, 2026
- © Михаил Кромин, 2026
- © Алена Кубарева, 2026
- © Татьяна Матягина, 2026
- © Лариса Мезенцева, 2026
- © Сергей Мельников, 2026
- © Екатерина Осорина, 2026
- © Юлия Пучкова, 2026
- © Галина Стеценко, 2026
- © Ника Сурц, 2026
- © Галина Талалаева, 2026
- © Нина Шамарина, 2026
- © Наталия Ячеистова, 2026
- © Сергей Мельников, дизайн обложки, 2026
- © Нина Шамарина, составитель, 2026

ISBN 978-5-0070-4534-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Материнская любовь

Предисловие. Материнская любовь

Алёна Кубарева

Когда дочь указывает мне на ошибки в ее воспитании, коих, конечно же, множество, я — выгораживая себя — говорю: «Мама живет первый раз». И когда дочь в детстве говорила, что, мол, все проблемы ее — от меня, я подтверждала: «Конечно! Ведь я же тебя родила! А вот если б не родила, никаких проблем бы у тебя не было...»

«Мама тоже имеет право на ошибку. Мама — не идеальный партнер. Или даже вообще не партнер». На мой взгляд, эти слова можно назвать — как один из вариантов — зоной поисков авторов данного раздела.

Некоторые авторы (например, Михаил Кромин, Зоя Донгак, Татьяна Матягина, Наталия Ячеистова) в эссе и стихах, в тех, что по мотивам собственных воспоминаний, описали почти идеальных мам. Что ж, в детстве они и правда кажутся нам такими. Мамы ведь всё знают и умеют! Их эмоциями и представлениями мы и руководствуемся в нежном периоде жизни. Матери имеют на нас колоссальное влияние. Вне за-

висимости от того, дружат с нами или нет. Перечисленные авторы бережно — и, думается, намеренно — хранят лучшие воспоминания о своем детстве. И желают делиться с нами, читателями, только хорошим. А может, это — свойство психики. Конкретных людей.

Не случайно другие писатели (Елена Громова, Наталья Зайцева, Нина Гаврикова, Юлия Грачева, Юлия Великанова) — не в качестве антитезы, а в продолжение темы — решили поместить сюда рассказы об опыте уже взрослых детей, а также — о материнском опыте от первого лица. И, конечно, о том, как на взрослых детей повлияли установки старших родственников. Как тут не вспомнить милых бабушек! Вот уж о них-то у большинства — самые теплые мысли. Это естественно. Бабушки часто добрее мам. В том числе тех, которыми когда-то были сами.

Но бывает, чем восторженнее мы смотрим на свою маму изначально, тем сильнее потом разочаровываемся: «Она, оказывается, — не ангел? У нее — о, ужас! — есть свои страсти, пороки, глупости. И даже гадости...» О такой матери повествует, например, один из рассказов Нины Кроминой. А также — Галины Стеценко. И если в тексте Нины Кроминой присутствует мать-кукушка, то у Галины Стеценко — мать-скорлупа. По аналогии со скорлупой яиц из советского мультфильма 1967 года «Гора динозавров», в котором приводится альтернативная версия, почему эти животные вымерли. Закадровый текст в мультфильме таков: «У скорлу-

пы яйца динозавра было замечательное свойство. Под действием холода скорлупа утолщалась, наращивая всё новые и новые слои, оберегая детеныша от внешних воздействий». Дальше начинается ужас, от которого я — уж сколько лет прошло с момента первого просмотра! — до сих пор рыдаю. скорлупа, призванная защищать, так и не выпускает малыша из своих «объятий». Она не дает ему жить — динозаврик гибнет, задохнувшись... «Я охраняю тебя, я исполняю свой долг...» Да, материнская любовь — неправильная, эгоистическая — может и убивать. Всё человеческое, всё живое... Подобной же героине — матери-скорлупе — посвящен и рассказ Юлии Пучковой.

Впрочем, взрослые, психически полноценные люди вполне могут поблагодарить своих мам за то, что, по крайней мере, дожили до того возраста, когда могут критически оценить казавшееся прежде незыблемым и безусловным. За тот путь, который в итоге избрали, — пусть даже вопреки высказанной или невысказанной материнской воле. Ведь вопреки — это то же, что и благодаря, разве не так? Об этом, думается, — рассказ Екатерины Осориной.

Редко мать нарочно желает своему ребенку зла. Хотя, конечно, всякие странные люди попадают (как в рассказе Нины Шамариной). Но основная масса, всё-таки, — нет. Другое дело, что некоторым родителям не мешало бы (это во мне педагог-психолог говорит) больше разговаривать со своими детьми. Глядишь, понимали бы друг друга чаще («Как

же тебя понять, коль ты не говоришь ничего!» — помните эту фразу из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»?). А недоразумений было бы по минимуму. Об этом, на мой взгляд, — рассказы Сергея Мельникова и Дмитрия Апполонова. Если не обсуждать острые вопросы со своими детьми, то «рано или поздно, почти наверняка, почувствуешь легкое недомогание...» — как та Алиса из Страны Чудес после глоточка из бутылки с надписью «Яд» ... Или, например, на горизонте появится персонаж вроде Доктора Вольфа, который с готовностью преподаст чаду урок, могущий оказаться жестким.

В заключение хочу сказать: если тексты данного раздела кому-то покажутся слишком ванильно-приторными, милости просим — в следующий раздел. Про отцов. Там разнообразия, думаю, — больше.

Даже если вы сразу перейдете к «отцовским» рассказам, уверена: «материнские» авторы не обидятся. Потому что вы к ним наверняка вернетесь.

Приятного чтения!

Дмитрий Апполонов

Давай поговорим

Павел снял фотографию с комода и поднес рамку к лицу. Сдунул пылинку со стекла. Они стояли у воды — он и мама. Солнце било сбоку, размывая края. Он прижимался затылком к ее животу, шурился и улыбался. Она держала его за плечи и тоже улыбалась, чуть наклонив голову. Бретелька купальника сбилась, открыв белую полосу кожи.

«С приветом из Сочи, 1996».

Из кухни тянуло ванилью и выпекающимся тестом. Мама что-то напевала — негромко, как всегда, — и иногда стучала ложкой о посуду.

— Скоро достану, — окликнула его.

Павел вернул фотографию, выровнял рамку и пошел на кухню. На столе стояла миска с остатками начинки, рядом — раскрытая тетрадь с рецептами, вся в пятнах и с загнутыми уголками. Он любил этот пирог. Раньше она пекла его только на праздники, а теперь — просто так, когда он приезжал.

Она обернулась, улыбнулась — так же, как на фотографии, — и протянула ему ложку.

— Облизывать будешь?

Он засмеялся и прижался лбом к ее мягкому плечу.

— Я уже не маленький, мама. Дождусь пирога.

Сели за стол. Мама разлила чай и осторожно, чтобы не пролить, поставила перед ним чашку. Отрезала кусок — Павел дотронулся и отдернул руку.

— Горячий, — сказала она, будто извиняясь.

Ели молча. Ложечки звякали о фарфор. За окном кто-то хлопнул дверью подъезда. Пирог был именно таким — сладким, с кислинкой и хрустящей корочкой.

— Вкусно, — сказал он.

Мама кивнула и поставила чашку. Подперла лицо рукой, глядя на сына.

— Как работа? Сильно устаешь? — спросила его.

— Нормально. Всё по-старому.

— А... Лиза? Она как?

Он откусил пирог, жевал дольше, чем нужно.

— Я ей писала, — продолжила мама, помолчав. — Она прочитала, но не ответила.

Павел дожевал и проглотил.

— Мы с ней расстались.

Отпил чай. Стекла очков запотели.

Мама вздохнула.

— Жаль. Она мне нравилась больше всех.

Покрутила ложечку в пальцах.

— Мне казалось, тебе тоже, — сказала, посмотрев на него.

Да. Ему тоже. Он пожал плечами. Потянулся за пирогом и сосредоточенно жевал, стараясь не подавать виду.

Павел стоял в прихожей, наматывая шарф. Мама собрала соринки с его пальто.

— Паша... Тебе сейчас, наверно, трудно... Может, обратишься к специалисту?

Он встряхнул головой.

— Всё нормально, мама, — чмокнул ее в щеку и повернулся к дверям. — Доеду напишу.

В метро он сел в самый конец вагона. Достал телефон и зашел на страницу Лизы. Листал фотографии, день за днем.

Палец замер в нерешительности — и ткнул во всплывшую рекламу.

— Алло, Павел Олегович? Звоню напомнить вам про запись к Кристине Сергеевне. Сегодня в одиннадцать. Ждем.

Без пяти одиннадцать Павел сидел в приемной, с рюкзаком на коленях. Администратор звонила кому-то, сидя под сертификатами и дипломами: «Да-да... Ждем». В углу тихо булькнул кулер.

Дверь распахнулась, из кабинета выскочила покрасневшая женщина. За ней вышла другая — лет сорока, в сером брючном костюме.

— Спасибо... Спасибо, Кристина Сергеевна! Я запишусь, — женщина с пунцовым лицом торопливо прощалась.

— Хорошо, Светочка. Удачи, — психолог посмотрела на часы и подняла глаза на Павла. — Павел Олегович?

Он встал, рывком сняв рюкзак с коленей. Замешкался на

секунду и взял его с собой.

Кристина Сергеевна закрыла за ним дверь. Указала на кресло.

— Присаживайтесь, Павел Олегович. Легко нас нашли?

Павел кивнул, поставил рюкзак на пол и опустился в кресло. Оно тихо скрипнуло, подстраиваясь.

Кристина Сергеевна села напротив и поправила ноутбук на столе.

— Ну... Давайте начнем. Что вас привело?

Павел посмотрел на длинные жесткие стебли за ее спиной. Устроился поудобнее. Откашлялся.

— Я потерял любимого человека. Единственного.

— Потеряли? Вы имеете в виду...

— Нет-нет, — Павел вздрогнул. — Мы расстались.

— А, понятно. Давно?

— Месяц. Может, больше.

Кристина Сергеевна прищурилась.

— А сколько вам лет, Павел?

— Тридцать шесть.

— Вы были женаты?

— С ней? Нет.

— А вообще?

— Да. Давно. Но речь не об этом...

— Может и нет. Вы же не специалист. А другие отношения у вас были?

— Были.

Павел попытался вспомнить. Были — разные, но всё заканчивались одинаково. Буря чувств, а потом только пена.

— Павел... Павел...

Он поднял голову.

— Я спрашиваю: что же в ней было такого особенного?

— Кристина Сергеевна чуть наклонилась к нему.

— Лиза? Она была... не похожа ни на кого. Она меня понимала. Чувствовала.

— А другие, значит, нет?

— Нет, — Павел улыбнулся. — Мама говорит, я невезучий... А с Лизой, вот, повезло.

Кристина Сергеевна взяла ручку. Вращала ее в пальцах.

— А расскажите о вашей маме.

Павел почувствовал напряжение в спине. Мама. Он не знал, что сказать.

— Мама... хорошая, — подбирал слова. — Добрая.

Кристина Сергеевна молчала, постукивая ручкой по столу.

— Она вырастила меня одна. Отца я не знаю... Я и не разыскивал.

Он собирался с мыслями.

— А мама. Она была для меня всем. И я для нее — тоже.

— Вы так уверены в этом?

— Да, конечно. У меня было счастливое детство.

Кристина Сергеевна отложила ручку в сторону.

— Хорошо. А когда вы вспоминаете детство, Павел... вы

ощущаете себя защищенным рядом с мамой? Или скорее одиноким?

Павел посмотрел на нее и отвел глаза. На стене висела картина — теплое море до горизонта. Сбоку било солнце.

— Подумайте не о том, что происходило, а о том, что вы чувствовали в эти моменты, — тихо сказала она.

Он помолчал.

— Когда мне было шесть... — Павел смотрел на картину, — ...мы поехали с мамой на море. В Сочи.

Облизнул губы, словно почувствовав соленый привкус.

— Она учила меня плавать. Держала рукой снизу. Смеялась... глядя, как я барахтал ногами. А я набирал воздуха и старался грести. Отталкивался от нее. И потом поплыл.

Он перевел взгляд на Кристину Сергеевну.

— У меня было счастливое детство, — сказал, будто проверяя себя.

Она слегка улыбнулась.

Запиликал таймер.

— Запишитесь на следующую неделю.

Павел стоял у стойки, прикладывая карточку к терминалу. Кивнул:

— Да, в среду будет удобно. Спасибо.

Вышел на улицу, пожившись от ветра, закинул рюкзак на плечо. Направился к метро.

Вечером, когда начало темнеть, он долго не включал свет. Лежал в сумерках, прислушиваясь к шуму соседей.

Телефон завибрировал, осветив угол дивана и его лицо.

— Привет, мама. Да. Всё хорошо. Поужинал. Знаешь... я сегодня был... Ладно, неважно. Потом расскажу. Спокойной ночи.

Прошел на кухню, включил чайник. Смотрел на него, пока тот не щелкнул.

Перед сном снова открыл их переписку. Пролистал даты и сообщения. Написал:

«Давай поговорим».

Сообщение не доставлено.

Он положил телефон экраном вниз.

Ночью ему снилось море.

Кристина Сергеевна закрыла за ним дверь. Подошла к окну, чуть отдернула штору, впуская свет. Павел скрипнул креслом, устраиваясь поудобнее.

— Как вы себя чувствовали после нашей прошлой встречи? — спросила она, садясь за стол.

— Нормально, — сказал он после паузы. — Спокойнее.

— Это хороший знак, — кивнула она. — Значит, вы умеете слышать себя.

Павел откинулся на спинку.

— В прошлый раз вы рассказывали про море, — она продолжила: — Про маму. Очень теплый образ. Но знаете... иногда такие воспоминания бывают не совсем тем, чем кажутся.

Он слегка напрягся.

— В каком смысле?

— В смысле внутреннего опыта, — мягко сказала она. — Ребенок может чувствовать безопасность... а может — зависимость. Это очень тонкая грань.

Она сделала паузу.

— Часто в таких ситуациях ребенок бессознательно берет на себя роль взрослого. Очень чувствительного, очень внимательного. Это формирует особый тип личности.

— Какой? — он смотрел на нее, не отрывая глаз.

— Глубокий. Сильно чувствующий. Не каждый готов к такой глубине. Возможно, вы не потеряли Лизу, Павел. Возможно, вы просто выросли из этих отношений.

Павел вдруг почувствовал, как внутри что-то расправляется.

Она посмотрела на него внимательно.

— Вам никогда не казалось, что вы слишком много даете?

Павел замялся.

— Не знаю... Наверное. Иногда.

— Вот, — сказала она почти удовлетворенно. — Это как раз то, с чем мы будем работать. Учиться ставить себя в центр. Не растворяться, не спасать. Задайте себе простой вопрос: чего хочу именно я? Не Лиза. Не мама. А вы.

Павел кивнул. Действительно. В голове стало немного яснее. В сердце — тише.

— А теперь... Вы говорили, что у вас было счастливое

детство, — сказала она мягко.

— Да, — ответил он сразу.

Кристина Сергеевна улыбнулась.

— Просто наблюдение. Иногда за уверенностью прячется необходимость убедить — себя, а не меня. Давайте попробуем посмотреть чуть глубже.

Павел заерзал на кресле.

— Вы рассказывали про море. Закройте глаза, если вам удобно.

Он закрыл.

— Сколько вам лет?

— Шесть.

— Где вы?

— В воде.

— Что вы чувствуете телом?

— Тепло... Солено. Солнце.

— А если чуть точнее? — голос ее был ровный, почти без интонации. — Что чувствуют руки? Ноги?

— Ноги... — он нахмурился. — Они... устали.

— Почему?

— Я.... стараюсь держаться.

— За что?

— За воду.

Голос прорывался издалека.

— А мама в этот момент где?

— Рядом. Она держит меня.

— Как держит?

— Под живот... снизу.

— Надежно?

Он задумался.

— Не знаю. Наверное... чтобы я не ушел под воду.

— Вы это знаете или предполагаете?

Грудь сдавило.

— Я... чувствую.

— Что именно?

— Что... — он замолчал. В нос, рот вдруг хлынула соленая вода. Он судорожно сглотнул. — Что если она отпустит, я утону.

Кристина Сергеевна кивнула.

— Это важное чувство, Павел.

Пауза.

— А она предупреждала, что отпустит?

Он попытался вспомнить. Картинка дрогнула.

— Не помню.

— А момент, когда вы поплыли... — она чуть подалась вперед. — Каким он был?

Он открыл глаза.

— Радостным... Я поплыл сам.

— Сам, — повторила она. — Потому что больше не чувствовали опоры?

Внутри что-то шевельнулось.

— Я... — он замолчал. Сердце билось чаще. — Я не чув-

ствовал ее руку.

Она не перебивала.

— Было страшно, — тихо сказал он.

— Страх — сильное чувство для шестилетнего ребенка, — сказала она. — Особенно если он остается один на один с водой.

— Я не был один, — неуверенно сказал Павел. — Она была рядом.

— Физически — возможно, — мягко ответила она. — А эмоционально?

Он сжал подлокотники кресла. Кожа под пальцами была холодной.

— Я не знаю.

— Иногда, — продолжила Кристина Сергеевна, — взрослые устают быть опорой. Даже любящие. Особенно молодые одинокие матери.

— Вы хотите сказать... — он осекся.

— Я ничего не хочу сказать, — она смотрела ему прямо в глаза. — Я предлагаю вам почувствовать. Самому.

В кабинете стало слишком тихо.

— Что вы чувствовали в тот момент по отношению к маме?

Он закрыл глаза снова. Море потемнело.

— Растерянность.

— А еще?

— Обиду, — выдохнул он неожиданно для себя. — Как

будто... меня бросили.

Грудь резануло, будто в легкие попала вода.

— Она не хотела... — начал он и замолчал.

— Закончите мысль, — спокойно сказала Кристина Сергеевна.

Он сидел, не открывая глаз.

— Она не хотела больше держать, — сказал он глухо.

— И что вы тогда почувствовали?

— Что... — голос дрогнул. — Что я ей мешаю.

Тишина.

— Это тяжелое осознание, — наконец сказала она.

Он открыл глаза и снял очки. Мир сместился, стал нечетким.

— Я думал, у меня было счастливое детство, — сказал он медленно.

Кристина Сергеевна слегка улыбнулась — сочувственно.

— Счастливое и травматичное не исключают друг друга, Павел.

Запиликал таймер.

Она встала.

— На сегодня достаточно.

Он поднялся, чувствуя слабость в коленях.

— Мне... — он замолчал. — Мне нужно подумать.

— Конечно, — кивнула она. — Это начало важного пути.

...Павел поднялся из метро и шел, прибавляя шаг. Чувствовал ровную, плотную ясность.

Подъезд встретил знакомым кошачьим духом. Он не стал вызывать лифт, поднялся пешком, считая пролеты. Нажал на звонок.

Дверь открылась почти сразу.

— Паша? — мать растерялась. — Ты не позвонил...

Он кивнул и прошел внутрь, бросив рюкзак в прихожей. Сел за кухонный стол, не снимая пальто. Было душно. На плите тихо шумела кастрюлька.

— Ты чего такой... — начала она.

— Нам надо поговорить, — сказал он спокойно.

Она посмотрела на него внимательнее и вдруг засуетилась.

— Может, чаю? Ты, наверное...

— Не надо. Я ненадолго.

Она замерла. Провела ладонями по фартуку.

— Что случилось?

Он выдохнул.

— Ты помнишь Сочи?

Мать слегка улыбнулась:

— Конечно. Мы тогда...

— Помнишь, как учила меня плавать? — перебил он.

Она смотрела на него, осторожно.

— Помню. Ты так смешно бултыхался...

— И ты держала меня? — снял очки.

— Ну... да, — она растерялась. — А что?

Он поднял лицо.

— А потом бросила.

— Я... — она запнулась. — Паша, я держала тебя, пока ты не поплыл сам.

— Ты устала, — сказал он ровно. — Тебе было тяжело.

— Нет, — она затрясла головой. — Я просто...

— Хотела, чтобы я исчез, — продолжил он. — Я тебе мешал. Всегда.

Она опустилась на табурет.

— Откуда... откуда ты это взял?

Он смотрел на нее. Внутри было спокойно. Почти.

— Я вспомнил. И, наконец, понял.

Крышка подпрыгнула — и из-под нее полилось с шипением, заливая плиту. Мать выключила огонь. Взяла тряпку.

Тряпка скрипела по эмали. Павел поднялся, взял рюкзак. Вышел.

Лиза написала сама. Через несколько дней.

«Давай поговорим».

Они встретились в кофейне после работы. Павел вошел, сел за столик напротив Лизы. Она сидела за своей чашкой, не глядя на него.

— Привет... — он старался не подавать виду. — Ты написала.

— Да, — Лиза слегка кивнула.

Он замялся.

— Наверное, хочешь... — перебирал слова.

— Поговорить о нас? — она подняла глаза. — Нет. Не совсем.

Помолчала.

— Павел, — сказала она тихо, но твердо, — я написала, чтобы поговорить. Не о нас. О тебе.

Павел поморщился.

— Ну... понятно. Ты устала. Но мы же можем... — он осекся.

Лиза покачала головой.

— Не можем. Я слишком устала от тебя, Паша.

Он взял салфетку, сложил ее вдвое. Потом еще раз.

— Тогда... зачем?

Лиза сделала глоток кофе.

— Мне позвонила Нина Сергеевна, — сказала она, ставя чашку. — Ты вообще понимаешь, что с ней сейчас?

Он отвел взгляд и смотрел в пол перед собой.

— Я просто сказал, как было.

— Было? И всё было именно так?

— Но я же помню.

— А она помнит совсем иначе.

Павел сжал пальцы.

— Это называется... газлайтинг.

Лиза усмехнулась, наклонив голову.

— Почему ты решил, что только твои воспоминания могут быть правдой, а чужие — нет?.. А вдруг всё наоборот, Паш?

Она разглядывала его.

— Вдруг ты ошибаешься? — добавила тихо.

Лиза допила кофе. Встала и взяла сумку.

— Никогда не думал, что никому не хватит сил поддерживать тебя? Кроме, может, одного человека?

Он смотрел в пол.

Павел вошел в кабинет. Сел в кресло и прикрыл глаза.

— Как вы себя чувствуете? — донесся голос Кристины Сергеевны.

Он сжал пальцами подлокотники.

— Я... чуть не потерял любимого человека. Единственного.

— Да, вы говорили. Мы, кажется, это уже проработали.

Павел посмотрел на психолога.

— Нет. Не ее.

Он перевел взгляд на картину. На море.

— Знаете... Я лучше пойду.

Он не стал вызывать лифт. Поднялся пешком, считая пролеты.

Нажал на звонок.

Дверь открылась почти сразу.

Ольга Борисова

Две сестры

Марья Никифоровна, сгорбленная временем и тяжелой работой старушка семидесяти семи лет, отложив вязание, сидела возле окна в стареньком кресле. Подслеповатыми глазами она смотрела куда-то вдаль, часто вздыхала.

— Бабуль, покажи носочки. Ты их уже связала? — на ходу выпалила Варя, забежав в дом.

— Нет, еще не закончила. Глаза устали.

— Ух, какие красивые, с полосочками!

— Для тебя вяжу.

Баба Маша улыбнулась и обняла внучку:

— Как ты быстро выросла, красавица моя! Дожить бы до твоей свадьбы.

— Бабуль, обязательно доживешь! — Варя прижалась к ее груди.

Наступивший вечер, принес долгожданную прохладу. Бабушка Маша грузно встала с кресла.

— Пойдем, внученька, ужин готовить.

Вдруг загремела щеколда калитки. Взглянув в окно, Марья Никифоровна заулыбалась:

— Меланья проведать пришла.

Сестра, рассказав последние сельские новости, заторопилась домой:

— Кур пора кормить, да яйца собрать. Снесут несколько штук, а потом их впотьмах по всему курятнику ищу.

Закрывая за собой калитку, на ходу крикнула:

— Завтра пирожков напеку, приходите!

Нехитрый ужин прошел быстро. За чаем Варя неожиданно спросила:

— Бабуль, а почему бабушка Меланья говорит как-то странно, нараспев?

— В детстве она испугалась сильно. Не разговаривала. Лечили ее долго. С тех пор картавит.

— Бабуль, а что произошло?

Марья Никифоровна долила в чашки крепко заваренный душистый чай.

— Ну, слушай, раз напросилась. Давно это произошло, в голодные послевоенные годы. Меланье в ту пору всего четыре годочка исполнилось, а мне — восемь. Каждый год ранней весной мы на хутор переезжали, а поздней осенью в слободу возвращались. Отец хлеб стране растил, всё время на поле пропадал. А мы, как трава придорожная, сами по себе росли. Я маме по хозяйству помогала, воду из колодца приносила, за скотом приглядывала и за Меланьей смотрела.

— Бабушка, как же ты справлялась?

— А вот так и справлялась. Не баловали тогда детей, работать много приходилось.

Марья Никифоровна отхлебнула несколько глотков горячего чая, вздохнула.

— В тот год наша семья припозднилась с переездом. Уже октябрь к концу подходил, дожди заладили, похолодало, а мы с хутора выехать не можем. Однажды отец прямо к обеду примчался:

— Нюра, собирай детей! Председатель машину дал. Разгрузим и вернемся. Утром скот погоним. Митька Петров обещался помочь.

Мама узлы собрала, нас в кабину посадили, а в кузов мешки с мукой, тыквы, всякую снедь, да вещи разные набросали. Папа на мешки уселся, и поехали мы в Калиновку.

Домой приехали к вечеру. Как машину разгрузили, мне отец говорит:

— Доченька, за старшую остаешься. За Меланьей смотри! Дверь чужому не открывай! Я соседей попросил присмотреть за вами. Мы с мамой завтра к обеду дома будем.

Закрыла я за отцом дверь на большой железный крюк, похожий на кочергу, перекусили мы с сестренкой тем, что мама нам в узелок положила, и легли спать, знамо, на улице уже стемнело. Уснули быстро, так как в дороге умаялись. Вдруг сквозь чуткий сон услышала, как щеколда калитки звякнула. Вскоре чьи-то шаги слышались возле крыльца. Вскочила с кровати, к окошку подбежала, но во дворе темно, ничего не видно. Слышу, кто-то уже в коридор проник. Разбудила я Меланью и приказала молчать. Дрожим от страха и ждем,

что будет дальше. Слышу, вор с дверью возится, пытается через узкую щель чем-то крюк приподнять. Схватила я табуретку и стекло разбила. Меланье приказала к соседям бежать и помощи просить. Она худенькая, шмыгнула в образовавшейся проем в перекрестье и убежала. А он крюк приподнял и в дом вошел. Тихо так, словно на цыпочках, в зал идет, где я спряталась. Узнала его. Это тот шофер, перевозивший нас в Калиновку. А я под столом сижу тихо-тихо. Тут шум на улице поднялся, люди бегут к нашему дому.

Он назад к двери ринулся, да поздно было. Схватили его. На допросе потом признался, что «добро» ему наше приглянулось.

На хутор милиционер посыльного за отцом послал, а нас соседка к себе забрала. Вскоре папа на коне примчался. Обнял нас, слезы себе и нам вытирает. Первый раз я видела его плачущим. Рано утром председатель маму привез, а скот потом соседи вместе с Митькой Петровым перегнали. Как немного все успокоились, заметили, что Меланьюшка перестала разговаривать. Сначала думали, что время пройдет, она снова заговорит, но сестренка как в рот воды набрала. Долго ее потом лечили, папа даже в область ездил к специалистам. Слава Богу, заговорила!

— Бабуль, а что с тем шофером стало?

— Посадили его. Большой срок дали.

— А я бы его, — Варя замолкла, пыталась придумать, что бы она с ним сделала.

— Не горячись, внученька. Надо уметь прощать. Время нелегкое было, голодное. Вот и пошел на кражу, ради своих детей. Говорят, что Пилепенковы бедствовали сильно.

— Прощать?!

— Да, Варя! Нельзя зло держать на сердце. Не от хорошей жизни фронтовик воровать пошел. Много лиха он на фронте хлебнул, много раз ранен был. От мамы слыхала, что жили они до войны в Херсоне. А как фашисты на эту землю пришли, всю его родню расстреляли, а дом сожгли. Жена с малолетним сынишкой чудом живы остались. Она к брату в Астрахань уехала за пару дней до немецкого нашествия. После войны он их там нашел. А потом его к нам в колхоз направили. Домик плохенький дали, туда он семью перевез. Вскоре у них еще два пацана родились.

— А что с его детьми стало?

— Не бросили их. Помогали всем селом, кто чем мог. Папа сразу им мешок муки отнес да тыквами поделился.

Марья Никифоровна некоторое время сидела молча, видимо, что-то вспоминала. Отодвинув чашку с остывшим чаем, вновь заговорила.

— Уехали они из села. Долго о них никто ничего не знал. Однажды к председателю родственник приехал из Астрахани. Из сумки газеты достал, прочитанные в поезде. Петрович их аккуратненько на полку положил. Как-то на досуге решил посмотреть, чем другая область живет. Развернул газету и глазам своим не поверил. На всю страницу статья об извест-

ном враче — Викторе Ивановиче Пилепенко, сыне того шофера. И фото большое красуется. Он на отца похож. Всем селом тогда эту газету читали.

— Вот я вырасту и тоже стану врачом.

Шорох в застрехе под крышей заставил девочку вздрогнуть.

— Не пужайся, Варюшка, воробьи это. С весны у меня живут. Всполошились, видимо, что-то не поделили. А нам спать пора. Завтра на пирожки к Меланьюшке пойдем.

Ольга Борисова

Три женщины

Татьяна Николаевна услышала шум хлопнувшей калитки. «Кого это еще принесло?» — подумала она и, вытерев о фартук руки, вышла из летней кухни.

— Танюша! — издали послышался ласковый, до боли знакомый голос. Из-за куста сирени, буйно разросшейся у дорожки, ведущей к дому, показалась улыбающаяся мать.

— Мама, что случилось?! Как ты здесь оказалась?

— Решила вас проведать, — улыбнулась она. — Соседи в церковь собрались, и мне место в машине нашлось. Вот на службе постояла, а то и не помню, когда последний раз в храме была.

Не дав опомниться дочери, прижала ее к груди и поцеловала в лоб.

— Чайник на плиту ставь!

Засуетилась дочь, сотовый телефон из кармана вынула:

— Галка, скорей приходи! Баба Дуся приехала!

Евдокия Ивановна перешагнула почтенный восьмидесятый рубеж, но сдаваться еще не собиралась, хотя болезни отложили отпечаток на ее осанке и бледном, с сетью глубоких морщин, лице. Некогда высокая и статная, она уменьшилась

в размерах и стала походить более на подростка. Коричневый сарафан, белая шифоновая блузочка и повязанный назад белый платочек, выдавали в ней сельскую учительницу прежней советской закалки. Жила она в совхозном доме в некогда крупном селе Поповка, в двадцати километрах от Калиновки. Работала в местной десятилетней школе, преподавала химию. Но в девяностых совхоз разорили. В поисках работы многие уехали в город. Уменьшилось количество учеников в классах, школу закрыли, а Евдокию Ивановну отправили на заслуженную пенсию. Много раз дочь звала ее к себе, но она твердо стояла на своем, мол, пока ноги ходят, буду жить одна. Ее часто навещали родные, привозили продукты, помогали с хозяйством. Она же из Поповки уже никуда не выезжала, давали знать о себе больные ноги, да и сердечко частенько пошаливало.

Снова шумно хлопнула калитка. Прибежала, запыхавшись, внучка.

— Бабулечка, как я рада тебя видеть!

Обнявшись, они вошли в дом. Быстро накрыли стол, зашвистел на плите чайник. Из шкафа достали красивые, с розой на боку, чайные пары.

— Эх, самовара не хватает, — бабушка снова улыбнулась. — Настоящего, с дымком. Мы с Колей любили после баньки чайку с медком на травках попить.

— Я помню тот самовар, — улыбнулась Галка. Пузатый и большой, начищенный до блеска. Я в него, как в зеркало

смотрелась, и рожицы корчила. Бабуль, а где он теперь?

— На чердаке лежит. Прохутился. Его отец на ярмарке купил мне в приданое. Папа дорого за него заплатил, — что-то вспоминая, она на миг задумалась. — Теперь нет мастеров, такие самовары делать. А жаль, — Евдокия Ивановна отрешенно посмотрела куда-то вдаль, перебирая в памяти что-то давнее и для нее важное.

— Бабуль, расскажи, как ты с дедушкой познакомилась, — неожиданно попросила внучка.

— Доченька, ну что ты к бабушке пристала! Маме отдохнуть нужно, устала она.

— Ничего, Танюшка, дома отлежусь. Пожалуй, расскажу, что знаю и что родители поведали. О роде своем до седьмого колена знать нужно! Дерево без корней быстро высыхает. Кто же вам еще расскажет...

Татьяна долила чай в чашки и присела на диван, чуть поодаль от матери. Галка положила руки на стол и, упершись в них подбородком, приготовилась слушать.

— Маму отдали замуж как раз перед войной за вдовца-бригадира из соседнего села. Она говорила, что не хотела выходить за него, но послушаться отца боялась. Тот сказал, как отрезал: «Завтра сваты придут. Готовься». Ближе к обеду они с женихом заявили. Маме сразу он не по нраву пришелся. Худой, высокий, смотрит проницательно, словно человека насквозь видит. За стол все сели, рюмочку выпили и о деле стали говорить, а их в чулан отправили, мол, идите,

помилуйтесь. «Села я на мешок с рожью, он напротив присел на ящик, — рассказывала мама. — Молчит и смотрит внимательно. А потом к стене прислонился и заснул, то ли сделал вид, что заснул. Вот думаю и женишок, даже до свадьбы не поцеловал ни разу. Понял он тогда, что не люб мне». И выдали ее восемнадцатилетнюю дивчину за вдовца с двумя детьми. Сначала она муженька сторонилась, а потом пообвыкалась, с мальчиками-погодками пяти и шести лет, поладила. И всё б ничего, а тут война началась. Вскоре назначили отца, Ивана Фомича, председателем колхоза. Взвалил он на плечи эту ношу, и все силы отдавал работе. Домой забежит глубокой ночью, поспит пару-тройку часов и снова на поля, да на ферму. Мама на сносях была, но тоже для фронта трудилась, норму выполняла. Сначала хлеба пекла и масло сливочное сбивала, а когда неважину стало, носки шерстяные для воинов стала вязать.

— Бедненькая, как же она выдержала и ребеночка выносила, — посочувствовала Галка.

— Тогда все, даже дети много работали. Кто хлеб пек, кто зерно растил, кто за скотом ухаживал, — всё для фронта и победы! Так-то, Галчонок.

Евдокия Ивановна отхлебнула остывший чай.

— Мама, подожди, я сейчас подогрею, — Татьяна вскочила с дивана и с чайником отправилась на кухню.

— А враг рвался к Волге, — продолжала рассказывать бабушка. — Тут я родилась. Отец на третий день только смог

меня увидеть. Забежал домой на минутку, уставший, постаревший. Обнял маму и говорит:

— Собирайся, Фрося! Фашисты под Сталинградом. Приказ поступил перегнать скот подальше от фронта. Детей собирай, с табунами пойдешь.

И пошла, а куда деваться. Мужчины все на фронте. Остались только больные и калеки. Детишек закутала, в телегу посадила и отправила вместе с другими детьми к стойбищу, а меня к груди привязала и с табунщиками по степи скот погнала. Как немцев прогнали с нашей земли, мы вернулись домой.

После войны отца перевели в Поповку, совхоз поднимать. Мое полуголодное, босоное детство пролетело незаметно. К пятидесятым стало жить полегче. В пятьдесят девятом я школу закончила и отец отправил меня учиться в педучилище. Братя к тому времени уже семьи свои завели. Миша работал инженером в МТС, а Виктор военным стал, и отправили его служить на Дальний Восток.

— Езжай, дочка! Образование получишь, детей учить станешь. Сейчас стране умные люди нужны.

Уехала я, а через год отца не стало. Военные годы дали о себе знать, сердечко не выдержало. После похорон мама мне сказала: «Дай Бог, тебе, Дуся, такого мужа, как твой папка!» — и горько заплакала.

По окончании училища я замуж выскочила. Евдокия Ивановна разулыбалась.

— Нас случай свел. Мы в общежитии с подружкой жили. Однажды суп решили сварить, а картошка закончилось.

— Дуся, — говорит мне подруга, — сбегай в магазин, купи картошки, а я пока воду на плиту поставлю, да овощи почищу.

На улице март, снег подтаял, но совсем не растаял. К вечеру подмораживало и становилось скользко. Купила я картошку, булку хлеба прихватила, тороплюсь в общежитие. Вдруг поскользнулась и растянулась на дорожке во весь рост. Картофелины, словно мячики, по тротуару запрыгали. Пытаюсь встать, а ноги снова расползаются. С третьей попытки на колени стала, руками об землю упираюсь и думаю, что нужно как-то выползти с этого места. Вдруг меня кто-то ловко подхватил и на ноги поставил. Гляжу, а это парень. Красивый, высокий, плечистый, он мне сразу приглянулся.

— Держись за меня, сейчас выберемся.

Я ухватилась за его руку, и только мы пару шагов сделали, как свалились оба. Лежим и хохочем.

— Место какое-то заколдованное, — говорю ему.

А он отвечает:

— Видимо, красавица, быть нам вместе, дорожка нас связала.

Вскоре мы с Колей поженились. Он в это время строительный институт закончил. Сначала мы в Волгограде жили и по квартирам скитались, а потом мне предложили поработать в Поповке, обещали дом дать. Строили тогда для учи-

телей. Подумали мы с Колей и согласились. В нем двоих детей нажили. Хороший у вас был отец и дедушка. Добрый и ласковый.

Окончив рассказ, она внимательно посмотрела на внуку.

— У тебя-то как дела? Что Степан? Слышала, выпивать стал?!

— Да ну его!

— Нет, внученька, и твоя вина в том есть. Народ-то не обманешь, он всё видит. Домой он не хочет идти, вот и пьет.

— Бабуль, я ведь тоже устаю. Работа у меня ответственная. А ему всё не так: то пришла не вовремя, то не так на него посмотрела, то суп пересолила... А еще ревнует постоянно. Устала от этого.

— Первое богатство — замужество, второе — счастливое супружество. А сохранить его не каждая умеет. Повнимательней к нему будь и подобрее. Он и потянется снова к тебе, и жизнь наладится. Да детей пора заводить. Женское счастье короткое, спохватишься, но поздно будет. А работа, она никуда не убежит.

За окном посигналила машина.

— Это за мной. Соседи. Они дочь навестили, теперь домой едут и меня довезут.

Она посмотрела на настенные часы, стрелки которых показывали четыре часа.

— Ой, Танюша, сколько у тебя времени отняла, а скоро Лександр с работы придет, а у тебя, поди, ужин еще не готов.

И уже на крыльце добавила:

— Пусть не ругается, что ужин не поспел. Скажи, что я тебя задержала.

— А ты, Галочка, Степану привет передай, и скажи, что в выходные я вас обоих жду. Дело к Степану есть и тебе найдется, — садясь за заднее сидение машины, распорядилась она.

Татьяна Бугримова

Стела Победы

Знаю двух парней шестнадцати лет — горячих, честных, справедливых кадетов. Много бесед было проведено с ними по поводу патриотизма и любви к Родине, и на тему родителей некоторых их друзей, которые уехали за границу после начала специальной военной операции, и на тему уроков в школе «Разговоры о важном». А уж сколько сил потратил на мальчишек их главный педагог и классный руководитель «товарищ полковник» — так этого и не описать в данном рассказе! Вы бы слышали, с каким уважением они всегда произносили это обращение к нему. Конечно, в лоб о таких вещах с подростками говорить бесполезно, может случиться и явно обратный эффект, а потому всё больше старались двигаться замысловатыми дорожками и философскими рассуждениями.

И всё бы это казалось бесполезным и пустым, если бы не история, которую они однажды поведали мне за ужином.

— Сидим, мы, мама, у Андрюши на балконе, как всегда, вечером. Мирно разговариваем, обсуждаем планы. Справа на том берегу — Москва-сити. И огни, много огней. Уже смеркаться начинает. За окном красиво — летняя на-

бережная, только недавно приведенная в идеальный порядок, неспешно прогуливающиеся по ней уставшие москвичи, компании ребят-подростков, девчонки с длинными волосами. В общем, есть чем полюбоваться с балкона, — начинает повествование мой сын Леонид, который совсем не обделен красноречием.

Его друг Андрей улыбается и продолжает:

— Да, Лёня особенно любит смотреть на проходящих мимо девчонок. Этаж, у нас, Татьяна Викторовна, невысокий, а потому мы довольно близко можем рассмотреть все нюансы девичьих красот.

Мальчишки всегда со мной предельно откровенны — отношения у нас доверительные.

— Ага, мам, такие иногда смешные девчонки бывают! А бывают красивые... — мечтательно произносит Лёня и продолжает. — Но разговор не об этом. На улице жарко — так, что на нас только шорты и легкие майки. — Лёня жует приготовленный отцом фирменный говяжий стейк, от которого еще идет пар, аккуратно отрезая от него кусочки столовым ножом.

Было видно, что ему не просто перейти к серьезной части рассказа. Явно беспокоит что-то из ряда вон выходящее.

— Вот, так и невест себе выберете прямо с балкона, — смеюсь я, пока не понимая, о чем хотят поведать мне ребята.

— Ой нет, Татьяна Викторовна, по внешности судить — так себе идея, — говорит Андрюха, промокая салфеткой рот.

Он уже пару лет как встречается со своей одноклассницей. — Девчонку нужно проверять в бою. — Чеканит он.

— Ага, Андрей так и сделал — смотрел-смотрел на Лизу в нашем классе, да и решил, что все кадетские «бои» она выдержала с честью, — Лёня саркастически улыбнулся, но не стал продолжать, зная, что друг и его девушка — это не предмет для шуток.

Я продолжаю внимательно слушать и пытаюсь понять, куда клонят. Уже и беспокоиться начала, что к сути разговора не перейдем.

— Так вот, сидим мы, никого не трогаем, и вдруг боковым зрением я вижу нечто странное. Повернув голову влево, я понимаю, что прямо по-над рекой, мерно жужжа, летят два беспилотника, — продолжает Лёня как ни в чем не бывало, словно рассказывает о том, что пара голубей пролетела мимо них с Андреем.

Тут уже я обомлела — почему я в первый раз слышу эту историю от своего сына? И как это вдруг случилось, что мимо него, мимо его друга, мимо других мирных людей летели эти смертельно-опасные машины — беспилотники? Расстояние до реки всего-то метров пятьдесят.

— Да что ты такое говоришь?! — с ужасом спрашиваю я. — Вы прямо их видели?! Мимо вас пролетели?

— Да, мамуль, но ты не волнуйся — ты же видишь нас здесь, перед собой, живыми и здоровыми. А через некоторое время раздались громкие взрывы, — продолжил сын, уже яв-

но начав нервничать.

Правая нога его, лежащая на левой, стала непроизвольно дергаться вверх-вниз, вверх-вниз.

— Мы посмотрели с Андрюхой друг на друга и, не сговариваясь, рванули вниз по лестнице на улицу. Схватив электрические самокаты, мы погнались на всей возможной скорости в Парк Победы. — Лёня уже почти кричал. Было видно, что эмоции до сих пор переполняют его.

— Мы мчались, как сумасшедшие. Мы были готовы рвать и метать. Мы бы ни за что не простили им этого. — Так же яростно продолжил Андрей.

— Чего не простили бы? — ничего не понимая, спросила я.

— Как чего? — Леонид внимательно посмотрел на меня. — Мы бы ни за что не простили им, если бы они взорвали нашу Стелу Победы! — по слогам проговорил он.

— Как только мы осознали, что за «птички» пролетели мимо, мы рванули в сторону Парка Победы с одной на двоих мыслью: «Только не Стела Победы! Только не она!» — на горячие карие глаза Андрея навернулась слеза.

Когда до меня дошло, что сильнее всего в этой истории они переживали за Стелу Победы, я вдруг поняла, что все наши разговоры о Родине, о невозможности ее предательства, о чести стали явью.

— А что бы вы стали делать, если бы они разрушили Стелу Победы? — спросила я, обмякнув на стуле.

— Как что? Мы немедленно всем классом попросились бы на фронт! — спокойно сказал сын, отодвигая тарелку и облизывая губы.

Я обомлела:

— Да кто же вас взял бы в шестнадцатилетнем возрасте?!

— Ничего, мы бы смогли убедить нашего дорогого товарища полковника. — Отрезал Андрей.

Иногда мы недооцениваем своих детей, да и свои усилия по их воспитанию тоже. И порой не предполагаем, как отзываются наши слова в их сердцах. Только радуемся, глядя, как прорастают посаженные семена, не забывая их поливать и удобрять, и волнуемся, если выбранный путь будет опасным и трудным.

Я посмотрела на своего повзрослевшего сына и его друга, а потом отвернулась к окну. Слезы затуманили мой взгляд. Эти мальчишки выросли, хотя до этого момента они казались мне еще совершенными детьми. И оказалось, что я знаю про сына далеко не всё или, по крайней мере, узнаю далеко не всё сразу. Это было еще одним открытием для меня, которое мне предстояло принять, перемолоть в душе и в голове, с которым мне еще предстояло смириться.

Для справки:

Монумент Победы — московский обелиск, расположенный на площади Победителей в Парке Победы на Поклонной горе. Был возведен в 1994—1995 годах в честь победы в Великой Отечественной войне по проекту скульптора Зу-

раба Церетели, открыт 9 мая 1995 года. Монумент является самым высоким памятником в России. Рядом регулярно проводятся кадетские парады, к Стеле Победы часто возлагаются цветы.

Жанна Варнавская

Теперь можно улыбаться

И всё же — зависть — плохое качество? — размышляет Ксюша о характере. И старательно выводит черным карандашом длинные дуги на месте тонко выщипанных бровей. Теперь тонкие не в моде, теперь надо носить широкие, внушительных размеров, как у Фриды, чтоб сразу бросались в глаза.

Разве сама она хотела бы дружить с завистливым человеком? Она что — дура?! То-то... Но что же делать, если гадкое чувство порой захлестывает? И то, что зависть — грех, страшно не это, чувство потери покоя — мешает! Так сильный ветер — налетел и трясет, словно грушу, грозя сгубить все добрые плоды. Нет, надо избавляться. Это мешает счастьем. Ведь каждый мечтает быть счастливым. Только понятие счастья у каждого свое.

«Квартира, машина, дача» — этот первоначальный набор желаний в списке «мечты на совместное будущее» давно потускнел на фоне ярких рекламных роликов «Багамы», «Майями», с пальмами и виллой у моря. Никого ничем не удивишь, хоть полгода живи в Египте. «Египетская мама!» — почти присвистывает молодая женщина, слегка прикаса-

ясь подушечкой указательного пальца к верхней губе. После коррекции контура губы неестественно припухли, но ведь и это теперь модно, причем никто не стесняется силиконовых подделок, а у нее — свои — натурально чувственные! А контур ей сделали в дорогом салоне именно такой, как она мечтала.

— Пускай обзавидуются! — Ксюша подмигивает отражению в зеркале. Перламутровые с лиловым оттенком серьги свисают почти до ключиц, имитируя гроздья виноградной лозы. Таких точно ни у кого нет: последний писк моды — подарок свекра из поездки в Турцию. Павел Петрович души не чает в невестке с первого дня знакомства и балует при всяком случае. А маленького Павлушу — тем более. Вон какой красивый комбинезончик привез — ребенок в нем как куколка. Ксюша пристально смотрит на спящего малыша, сладко посапывающего меж подушек на широком диване. Раздевать не стала, жалко будить, лишь молнию расстегнула.

Да, с именем — это мать подсказала, как правильно называть новорожденного. «Павел Петрович! Нет, ты только послушай, — какое звучание!» — почти кричала та с раннего утра в телефонную трубку очередной приятельнице, хватаясь долгожданным внуком. И певуче повторяла приятное звукосочетание, растягивая слова тягучей ириской за щекой...

Первые полгода после родов мать навещала их каждый день и засиживалась до позднего вечера, пока не приходил

Петенька. И бац! — после неприятного разговора с зятем — уже второй месяц — ни ногой. Оба молчат, скрывая причину конфликта. Может, и ладно? Ей уже всё равно, ей бы самой не взорваться...

Ксюша убрала в бархатную бордового цвета косметичку тушь, помаду, тени, подводку для глаз, карандаш для бровей, пилочку для ногтей, крем для рук, гель для кутикул, духи, румяна, пудру... Отошла от зеркала, окинула фигуру оценивающим взглядом. Ну уже ничего, получше, даже талия наметилась почти прежняя. И улыбнулась — почти голливудской улыбкой. Теперь можно — теперь, когда белоснежные импланты так удачно прижились на месте удаленных зубов, пострадавших при беременности, — не отличить от настоящих.

Да, теперь можно. И если не мужу, который всё чаще не торопится домой, то хотя бы Павлу Петровичу... Или можно сверкать перед соседскими девчонками с колясками во дворе, которым повезло не так как ей, пускай обзавидуются!

Скоро Павлуше — годик, он уже ползать научился, вот исполнится — тогда можно и грудью заняться. Павел Петрович не скупится: при каждом визите оставляет в конверте приличную сумму...

Женщина улыбается, делает губки бантиком, позирует и, гордо вскинув голову, застывает в королевской позе, любуясь новым имиджем. Малыш в голубом ажурном чепчике начинает громко сопеть и усердно сосать пустышку. Но это не

проблема: бутылочка молока всегда под рукой, да и сынишка затих. У молодой мамы в голове теперь одно: как вернуть внимание мужа?! Всё реже ласки, поцелуи и объятия, всё дальше близость...

После родов она заметно подурнела: лишний вес, неприглядного вида растяжки по животу, не хочет прятаться обратно наглый пупок. Грудь, как ни перетягивала, отказываясь кормить ребенка, потеряла девичью форму...

Молодой маме невдомек, что малыш может каким-то шестым чувством следить за каждым ее движением, реагировать на все волнения, сопереживать драму отношений с разочарованным папашей. Нет, она не хочет об этом думать. Прочь дурные мысли! И надо же в чем-то найти утешение? Сergy сейчас — то, что надо! Пускай обзавидуются!

«Ксюша, Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша...» — мурлычет хозяйка под нос. Она жарит любимому картошку — Петенька обожает жареную! Отбивные дымятся на другой сковороде, запах изумительный — благодаря новым специям, свекровь посоветовала. Только бы Петенька пришел вовремя. Сегодня среда — а, значит, всего две пары в вечернем институте. Только бы нигде не задержался по дороге. Ровно нарезанные кусочки картошки обретают золотисто-румяную корочку по бокам, масло шипит, брызги летят в стороны и — на оголенную руку, чуть выше запястья.

— Ай, — взвизгивает Ксюша и подставляет под холодную струю обожженное место. Резкий звонок телефона отвлека-

ет:

— Да, милый, да... — Ксюша молчит пару минут и взрывается: — Ну какой еще Лёша, ведь мы тебя ждем! Ну и что, что одноклассник! А я? А мы? А картошка с мясом?

В телефоне гудки... Ксюша набирает номер: «Аппарат вызываемого абонента вне зоны действия!». По щекам — черные струйки, вкус крови во рту, до хруста в челюсти ходят желваки на скулах. И сильный запах гари до противного...

— Блин! — кричит Ксюша, бежит на лестничную площадку и открывает мусоропровод. Прижимается ухом к холоду стояка и слушает грохот падения испорченного ужина вместе со сковородкой с антипригарным тефлоновым покрытием — слушает, слушает, с девятого этажа до первого...

Детский крик прерывает разыгравшееся чувство мести...

Павлуша лежит на полу, как могла она его оставить!

Ребенок плачет, ничем не успокоить, началась рвота... Тревога нарастает, Ксюша набирает 112, дальше как в тумане: вой сирены, белые халаты, бесконечные коридоры... Муж так и не перезвонил... Да плевать, ей уже всё равно, лишь бы Павлик поправился, лишь бы всё обошлось...

...Тот злосчастный вечер она провела с малышом в реанимации, проплакав до утра... «Господи, помоги, Матушка Божья, помоги, спаси, спаси сына моего, Матушка Божья, помоги, прости меня, дуру, прости. ... Матушка!»...

Уже три дня они здесь, в одной палате вместе и, слава богу, страшный диагноз не подтвердился...

«Спи, мой зайчонок, усни, спи, мой родной, засыпай, мамочка любит тебя, баюшки-бай, баю-бай», — укачивает она малыша на руках, мягко целует щечки... в больнице — тихий час. Павлуша смотрит на маму и улыбается...

Халат, тапочки и всё необходимое привезли на следующий день ее родители. Павел Петрович — в командировке, у свекрови — грипп. А муж написал смс через сутки: извини, забухал, телефон сдох, заночевал у Лёшки, от него — на работу, а вы где?

Мы-то где? Мы-то тут, в больнице, а ты где?

Завтра, завтра, ой, послезавтра — обещал, да так и не приехал! То голова у него болит, то работы много, институт, зачеты, экзамен, а тут ехать — за Кудыкину Гору! Но ей уже всё равно, какая разница — у Лёшки он ночевал или у Ленки... Она не хочет думать об этом. Лишь бы ее кроха поскорее выздоровел, маленький, прости, прости... Оказывается, можно спокойно жить без пухлой косметички, без вычурной бижутерии, золота и макияжа. Теперь ей нужна лишь расческа, мыло, зубная щетка... ну еще полотенце, халат и тапочки...

Да, главное — исчезло чувство зависти к точеным телам вероятных любовниц... начисто! Какая разница — Ленка или Любка? Ей всё равно... Она улыбается малышу: он спит и улыбается во сне. И она вздыхает и улыбается тому, что он улыбается...

Юлия Великанова

Букет с ягодами

Я помню букет, который мама принесла однажды утром. Из полевых цветов. Красивый получился. Хотя ни в какие поля она не ходила. По дорожкам вдоль дачных участков на-рвала. Наверное, погода стояла тогда хорошая. В целом август не очень выдался, это запомнилось. Уж точно не купальный. Но ясный. Небо повыше, чем сейчас, в конце октября. Кстати, необычно тепло сейчас. И сыро.

Пора уже сосчитать — то, что по осени считают...

Помню, как в том же августе мама носилась по дачной избе в несусветную рань и кричала что-то немыслимое. И тогда мы снова садились в машину, отправлялись в город. Новый врач всё в тех же декорациях давал новые предписания, вернее, немного уточнял прежние.

Самое ужасное — пропустить нужный момент, опоздать, позволить болезни разгуляться. Труднее всего — монотонное: контролировать, день за днем наблюдать и ждать, надеясь. Самое удерживающее на земле — помнить, что всё это не мама, это ее болезнь. Самое главное — всей своей впечатлительностью не воображать, что делают внутри организ-

ма большие дозировки лекарств. В какую тьму они временно погружают, чтобы был шанс снова вернуться к свету.

И никогда не забывать, что мама — она, а я дочь. И все перемены мест и ролей — временны.

А врачи в госучреждении преследуют целый комплекс сложных задач, и лечение пациента тут далеко не на первом месте. У платных частных докторов цели другие. Но с ними у меня хотя бы одна есть задача общая — вылечить окончательно. Вывести из затянувшегося пограничного. Наобщались вдоволь с первыми — и всё же отправились ко вторым...

Любовь... Нет сомнений в искренней материнской любви. Она проявляла себя ежедневно, поступками и словами. Всё, что она когда-либо умела, могла и давала миру... Особая сила, которую трудно описать простыми словами. Страшная сила. Хочется тут рассказать какую-то историю. Вспомнить что-то. Еще подумаю...

Многое надо было иначе. История не знает сослагательного наклонения. Прожили и выжили. Теперь уже и мои дети выросли-растут на нашей даче. Всякое за лета бывало: и трансформатор однажды неделю чинили в августе. А у нас грудничок. Мы не уезжали. Совершали подвиги. Таз для купания поутру. Ежевечерняя ванночка согретой на газу воды. И газ на плите из баллона, никаких тебе современных газовых котлов... А старшая малышка полугодовалая гугукала себе в манеже, «летала» на пузике — руки-ноги врозь — вся

из улыбок, трескала яблоко печеное и отварной кабачок.

Я — полгода мама, мама — полгода бабушка. Первые шаги, новый опыт, начало нередко приносят сильный всплеск энергии и надежды. Многое еще впереди.

Да и сейчас поздоровевшая мама увлечена перспективой продления активной жизни в «Московском долголетии», раз в неделю продолжает работать, преподает.

Любовь... У родителей она выражалась особым образом. Было ли у кого иначе? В семье по линии матери — сплошь женщины, мужчины как бы не в счет. Любящие матери контролировали, спорили, критиковали, повышали голос. Пусть. Холод отчуждения всяко хуже — от тебя отказываются-отвергают: какая-то ты не такая. Не угодила. Надо бы иначе. Однако как именно надо — не говорили никогда. Знай, что так неправильно. А надо правильно. Хорошие девочки так не делают и не живут. Всё. Дальше сама.

Иногда память возвращает яркие моменты из прошлого, особенно те, что запечатлелись навсегда. Детали-нюансы стерлись, остались общие впечатления. Что же из этого самое-самое?..

Материнская любовь бабушки заключалась в том, чтобы в многолетнюю ремиссию ничего никому не рассказывать о юношеской болезни дочери. И вообще молчать обо всех невзгодах, сохраняя иллюзию благополучия в семье. Страх и боль прятать и скрывать, гнев подавлять. Сильные личности и не на то способны...

У моей мамы есть несколько слов, которые она повторяет как недомантру: «Ты только не переживай сильно, не надо расстраиваться...». Ни одно произнесенное «успокойся» ни разу никого не успокоило.

«...Мам, ты только не волнуйся...»

Любовь... Работать надо было, зарабатывать, выживать. В 1986 мама уехала переводчиком к геологам, в Северную Африку. Заработала. Ставший бывшим муж и заработки по разводному суду отобрал. В 90-е растила меня в одиночку, и мы жили не так, как большинство. Это я уже позже поняла. Потому что мама работала за троих, а еще шила, вязала, дом вела, всё спорилось. Собирала гостей по праздникам. Лавки ставили вдоль столов сдвинутых. Всех накормить вдоволь. По-другому не бывало.

Ели сытно, одевались в коммиссионках (больше было негде до поры), ездили отдыхать в заморские страны. В Тунисе — опять Северная Африка — что-то важное в маме сломалось, под жарким солнцем. Короткая яркая вспышка быстро опрокинула во тьму, и надолго...

Любовь... Ну, гордости за меня есть немного. Что детей родила и вырастила. Что стихи пишу. Когда-то давно мама мне сказала: «Ты еще будешь читать со сцены, а мы тебе рукоплескать из зала». Это получилось.

Сцена... Экран... Бабушка больше всего на свете любила кинематограф. Отечественный. Преподавала его всю жизнь. Им жила, студентами. И многократными просмотра-

ми фильмов учебной программы. Лучших советских фильмов. Весь Эйзенштейн, весь Пудовкин и весь Довженко — всех троих точно видала и слышала вживую! Училась у Герасимова и Макаровой, у Бондарчука. Писала о Матвееве, с Ростоцким и Меньшиковой дружили домами-семьями... «Чапаев», «Летят журавли», «Тихий Дон» и «Война и мир»... «Сорок первый» и «Гори, гори, моя звезда», «Девять дней одного года» и «Плюмбум...» с «Белым Бимом...» и «Чучелом». Михалков, который до «Вокзала для двоих» (включительно). Это самая скучная подборка.

И был среди них особый фильм. Ни на что не похожий. «Романс о влюбленных». Фильм-песня. Поэзия (всё белым стихом), много неземной музыки Александра Градского, полетность, ветер, солнце, цвет. И полевые цветы... Подобная любовь, как у героев, шекспировская, в реальной жизни не сбывается (может, оно и к лучшему). Вторая серия решена в ч/б. А бабушка вот что говорила, помню: «Андрону (Кончаловскому) нужно было показать, какая она некрасивая, нелюбимая — жена героя Евгения Киндинова, какая она земная — в противоположность летящей Кореневой, и он велел костюмерам обмотать чем-то стройные ноги Ирины Купченко — чтобы стали как столбы в невозможных серых рейтузах...» Какие уж тут цветы полевые?! Кака уж тут любовь?.. Фильм о людях в Любви, в раю, и о тех же людях, из рая изгнанных, Любви лишенных...

Так долго пишу об отечественном кинематографе бабуш-

ки, потому что это самое большое из того, что о Любви в моей родительской семье.

«Дети, дети, как вы достаетесь»...

Если материнская любовь — это мудрое принятие и разумное невмешательство, то это что-то на современном. Кажется, мне удастся. По крайней мере, пока. Никаких нет «хороших девочек». Есть мои, живые и настоящие. А вот если любовь во всё должна вмешаться, всё оценить и осудить, если она человека может даже сломать, и пусть он заново выстраивается (без особой ответственности за результат!), то это к опыту моего поколения, да и предыдущих наверняка.

Без обид. Чего уж теперь. В больших трудах растили наших матерей их матери. И в прежних поколениях не иначе. Еще труднее, еще больше усилий, чтобы выжить, больше детей: БогдалБогвзял, меньше медицины и больше болезней. И каждому поколению Война. Всякое трудное и дурное обостряет чувства. Опасность, обреченность, болезнь, голод.

И ускоряет действия.

Любовь... Это действие, а не слова. Одна мысль о любви и сто пятьсот умозаключений. Чувство любви, как любое чувство, должно привести к поступкам. Любовь, вероятно, и была действием, только. Определенным, правильным. Без разговоров, без близости, без тепла.

В том неожиданном летнем букете были не только цветы, но и ягоды. Рябина красная — страсть, калина — целительная горечь, терн — испытания. И всё уже про осень.

Помню, я когда-то любила собирать иван-чай. Бабушка ругалась: осыпался он быстро и обильно. Мусорил. Что поделать: всё важное и любимое оставляет след...

Преподавателям часто дарят цветы. Правда, не полевые.

Букет с ягодами — это когда-то что-то из тебя да получилось. Молитвами ли, любовью. Бог весть. Нам недовоцерковленным остается гадать только.

Мама? Любовь?

Юлия Великанова

Чересчур четко

*«Еврейскому анекдоту» Аркадия Аверченко,
без которого Сура Маркова
ничего бы нам не рассказала»*

Мокрым от осеннего дождя вечером петербурженка Сура Маркова сорока четырех лет, редактор книг и переводов, текстов по психологии и идей от нейросетей, в теплой одежде, угах и толстых очках сидит и правит рассказ о «настоящей» любви, где героиня самозабвенно, долго и многословно спасает от ремонтников-вандалов... придорожный мох на своем участке.

— И мне бы твои, автор, проблемы!

В первом сне Суры всё видится внятно-внятно. Ванная комната, кот гордо раскидал по полу цилиндрики деревянного наполнителя. На кухне обеденный стол с вечными крошками на скатерке — для птиц, не иначе.

«Снимите с женщины очки на кухне... И в ванной».

Крупно синие резиновые полусапоги. В коридоре старшая дочь собирается в ночь — в планах много шагов с шагомером по самым безлюдным уголкам района. Традиционное свидание с крысой, чей поздний ужин происходит в птичьей

кормушке на стволе ясеня.

Вот младшая в большой комнате, спать давно пора, но она не может расстаться с телефоном: «Всё в пост!». Обрабатывает видео с теми, кто попался в кадр за день. В основном себя снимает. Парик, грим, ногти, — ты не ты, а тот, кто миру интересен.

В спальне муж, на кровати перед телевизором. Фильмы сплошь иностранные выбирает, довольно старые. Наизусть пересматривает.

Главная кормилица-поилица Суры, автор из дальнего зарубежья, на крутящемся кресле от компьютера отвернувшись, громко артикулирует в скромное пространство кабинета: «Мировоззрение мне свое не навязывай, правь уже запятые и интервалы!.. Ты просто не понимаешь!..»

Всё слишком ярко и четко. Чересчур. И оттого тревожно.

2

Сура проснулась с тревожным чувством, онемела болью левая рука — остеохондроз. Из кухни тянуло горелым — опять нагрели невымытую плиту. По всем помещениям квартиры кто-то быстро и нервно топал, застегивал пуговицы, безотрывно шнуруя ботинки. Громко орал кот. Никто никогда не признается, что именно он накормил или не накормил кота.

Было превесело.

Муж громко спрашивает в спальню, где ключи от машины. Им когда-то нравилась эта игра. Много лет автосвязку

вешают на крюк люстры в прихожей — после того как однажды недобро пошутил над ними случайный гость.

Что должна ответить, Сура не помнит.

В утренней квартире раздается клаксон машины. Сура уже по дороге на дачу, на подъезде к знакомой двадцать лет речке. Темнота, и только в обе стороны светоотражение: по ходу белое, против хода красное. И река как-то смешно зовется. И яркие огни какие, вмятные. Глаза режет. Беспокойно...

3

Досыпание Суры прерывает звонок мобильного: «Как там старшая?» Добросердечная соседка наддает Суре-матери бесценный пинок, очень вовремя. Иногда нужно просто спросить. А потом слушать. Особенно когда давно пора действовать.

Закончив разговор, Сура рассеяннo пробует на вкус мантру: «Куда-то опять задевала очки...»

4

Недавно Сура Маркова крепко возмечтала сделать операцию по улучшению зрения. Оказалось, поздно. Лазером корректируют до сорока. Дальше надо менять хрусталик. Быстро передумала мечтать.

5

С мужем разговоры всё больше патриотические, и челюсти при этом стискивает, и кулаки сжимаются. Уж он бы (показал) всем этим «нерусским» — что таксистам «узкогла-

зым-черножопым», что многолетним эмигрантам из СССР в дальнее зарубежье... Не станет он смотреть фильм «Последний богатырь», совместный с Disney, — так там ужасно образ Добрыни Никитича извратили! «Скоро новые дети насмотрятся этого всего и будут убеждены, что во Второй Мировой войне победили американцы...»

В общем: «Запад убивает русскую традицию...»

Кто в зрелости не стал консерватором, у того нет мозгов. Но нет сердца у того, кто в молодости не либерал. Черчилль этого не говорил, но — лишает ли это правоты?

Старшая дочь придерживается иных взглядов. В вечных наушниках подкасты оттуда, свобода мысли, вероисповедания, ориентации... Тревожные новости про тут, которых всё больше. У Казанского собора музыканты вот... А еще старый добрый рок, недобрый рэп и новые мюзиклы, фанфики в аудиоформате. Главный ее вопрос: «Есть ли жизнь без VPN?» Массажист для усталой спины родителей и психолог-активный слушатель. Готовится пересдавать ЕГЭ.

Сура никому своего мировоззрения не навязывает. Долгое время трудилась на патриотическом портале. Дружила и дружит с людьми по все стороны.

Во втором сне Суры соседствуют Нюберг и Нюрнбергский процесс, иноагенты и иноэмигранты с большими деньгами, Добрыня Никитич и Иванов и Кантария, Путин и Пугачева, любимые мюзиклы Франдетти, фандомы и фанфики, музыка разрешенная и запрещенная, кот и ключи на люст-

рах. Множащиеся люстры вытягиваются в мерцающие матово-желтым сцепленные вагоны червяка-поезда, ползущего по необозримому пространству. Каждое утро в 7:40 от одного далекого вокзала отходит поезд. Сура знает: у нее тоже есть эта возможность. Еще одна. Как видеть ярче и отчетливее.

Надо ли?..

6

Въяве всё расплывчато и неясно. В очках привыкла справляться. Питер Суры Марковой — особый простор и свет в вышине, большие маршруты иногда закладываются под высоким северным небом. Живая музыка в скверах (о-ох-х-х-х!) и позирующая туристам чайка на парапете на Дворцовой.

В театре и консерватории люди на сцене смутноваты, зато им можно лица допридумывать. И действие. А можно — как захочется.

7

Муж «находит» ключи, они садятся в машину и едут на старую дачу под Стрельну, слегка разгоняются на мостике через Кикенку (вспомнила!). Муж жмет на клаксон, придорожные огоньки расплываются. В темноте салона старенького хандея можно и всплакнуть — лимит Суры не больше десяти минут на день!

Воспоминания продолжают распаковываться: «Салатика поесть, на люстре покачаться...» При «поиске» автоключей ритуальные словечки. Свадебное что-то. И от Карлсона с

крыши...

Сура смотрит в темное окно, в нем младшая дочь продолжает гримироваться, сниматься и снимать. И с книгой всё чаще на глаза попадается.

Летний косой ночной дождь. Старшая удачно пересдала ЕГЭ. Тот телефонный разговор буквально изменил ход событий. Довсплакнуть можно — что-то от лимита да осталось. Признаться теперь, как страшно было даже думать о жизни молодой без полноценного студенчества. Есть кое-что и помимо неперелетных крыс...

Имя Сура — с санскрита «гармония и красота». Другие есть версии — мусульманская, еврейская... «Боже, если Ты всё еще смотришь с высоты небес, спасибо за эту семью — за крики кота и внезапные объятия, за запах кофе, тосты и ключи на люстре. Пусть каждое утро поезд 7:40 приходит вовремя — даже если я на него так никогда и не сяду. И пусть все будут здоровы, в том числе глазами. Спасибо».

В мире, где всё пройдет, похоже, дело не в четкости. Что упустила — принять как есть. И нейросети Суру подбадривают: «Ошибка — не баг, а фича...»

Совсем главное — не дать любви порости мхом...

Посвящение Аркадию Тимофеевичу. Только бы принял!
Аминь.

Гаврикова Нина

Сахарница

Автобус из города пришел по расписанию. Невысокая худощавая старушка первой соскочила на землю и заторопилась: предстояло еще идти километров пять-шесть.

Солнечным зайчиком заиграла на лице улыбка Правдины Афанасьевны, сердце нежно трепетало от мысли о встрече с родиной. Сын с женой шли рядом, искоса посматривали на мать.

Солнышко, отодвинув белесый полог, поднималось медленно. На небе ни облачка. Свежесть парным молоком разливалась по округе. Колхозные поля тянулись далеко-далеко и упирались в кромку леса. По левую руку изгибалась Шорега. Густые заросли кустарника прятали русло от людского любопытства.

«Наша Шорега! — задержала внимание Правдина Афанасьевна. — Она с радостью несет родниковые воды в Двиницу, та в Сухону, дальше в Северную Двину и в Белое море. Вон и мы, как маленькие капли путешествуем по белу свету и нет силы вернуться к родимому истоку!»

— Расскажите, как раньше жили? — прервала молчание Жанна.

Правдина Афанасьевна невольно вздрогнула, приостановилась, поправила платок. Лукаво подмигнула невестке:

— Жили-то? А жили как все — бедно да дружно! Вот сейчас в Наумовское шагаем — это моя боль и радость. — Старушка съежилась, будто подул ледяной, пронизывающий ветер. — Ребенком отец увез в город, а сердце-то здесь оставил. Сколько лет минуло, а рана не рубцуется.

— Если тяжело вспоминать, тогда не надо.

— Тяжело?! — выдохнула Правдина Афанасьевна. — Да хоть бы и тяжело, легко-то даже в сказках не бывает, не то, что в жизни. Мне-то еще повезло, я единственный ребенок. Какой кусок хлеба доставался, делить не с кем. А вот через два дома от нас жил брат отца, дядя Миша, у него семеро сорванцов... с младшим я особо сдружилась.

— Мам, может не надо, — усомнился сын.

— Ой, что ты? Если молча шагать, дорога верст на семь длинней покажется, а с разговорами не заметим, как до места доберемся. — Мать осторожно, будто боясь что-то разбить, переложила сумку в другую руку. — Наша деревня в устье Шореги на взгорке разлеглась, ее издали видать. Говоривали, будто она самое высокое место в области. Точно не знаю, врать не стану. Но то, что там дышится во всю грудь, это есть. До сих пор жалею, что раньше не вернулась.

— А почему уехали?

— Как почему? С войны мало кто воротился. Жизнь в деревне во все времена не хлеб с маслом, а после разрухи и то-

го пуще. Отец после плена мало что рассказывал. Понятно, концлагерь — мерзкое место! Как-то раз заговорил: «Представляешь?! Там каждый день пленных расстреливали. Когда дошла моя очередь, мысленно простился со всеми вами и с жизнью, вышел из барака. Конвоиры торопили, но каждый шаг давался с огромным трудом, ноги отяжелели, не хотели слушаться, перед глазами встал образ Сергея — того подростка, которого поддерживал, как мог, делился последними крохами. Но вот уберечь не смог: парень умер, не выдержав издевательств, голода и холода. Конвоиры уже подвели к месту казни... вдруг сзади раздался взрыв. Испуганные солдаты развернули обратно в барак. Вскоре за стенами барака раздалась беспорядочная стрельба, заглушающая крики. Когда всё прекратилось, тишина, казалось, оглушила нас. Дверь распахнулась, на пороге стоял русский солдат: „Товарищи, выходите!“ Мы не верили своим глазам и ушам: русский солдат, русская речь! Все оцепенели, не могли поверить в чудо освобождения».

Правдина Афанасьевна перевела дух.

— Во время войны и мне казалось, что мир уже никогда не будет прежним. Отец вернулся в июле сорок пятого. В колхозе работать не смог, все силы оставил в концлагере. Дом продали, уехали в город... Мне до сих пор жалко родного угла, всю жизнь хотела выкупить, но не получалось.

— А теперь? — подала голос невестка.

— Теперь я иду домой, — горделиво подняла головушку

свекровь. — Мама умерла рано, отец снова женился, виделись редко. Перед смертью позвал к себе, подал сберкнижку: «Выкупи наш дом, его еще твой дед строил». Отец знал о моей тоске.

Однако дом не продали, там жили старики. Пришлось терпеливо ждать, а потом их детей уговаривать. Сейчас всё в порядке, можно ремонтом заниматься. Сыночек, поможешь?

— Так и я чем могу — помогу, — улыбнулась Жанна.

Дорога, виляя между небольшими деревнями, завела в перелесок. Птицы щебетали на разные голоса. На обочине в невысокой траве, пугливо прижав длинные уши к спине, сидел зайчонок. Чтоб не спугнуть зверка, прошли мимо него молча. Белогрудая сорока сидела на повисшей ветке березы и громко стрекотала. Лес расступился, и Правдина Афанасьевна махнула рукой:

— Вон моя деревня, вон мой дом родной.

Миновали еще одну деревню, в середине которой дорога делилась на две, свернули влево. Спустились к Шореге, прошли по висящему на тросах деревянном мосту. Северный берег более пологий, на взгорке их ждало Наумовское!

— Хорошо-то как! — вздохнул полной грудью Максим.

— Да уж не зря сказано: «родная земля силу придает, чужая отбирает», — вспомнила пословицу Правдина Афанасьевна. — Зря отец нас в город увез. Маму потеряли... Прокормились бы — здесь и огород, и грибы-ягоды... Помню, весной, как только снег сходил, жители выходили в поле со-

бирать оставшуюся в земле картошку. Из нее лепешки пекли. В жизни ничего вкуснее не ела этих лепешек.

В деревне три дома слева от дороги и четыре справа. Пришлось пробираться узкой тропой.

— Мой дом, — осипло проговорила Правдина Афанасьевна, голос перехватило.

Дом выглядел неухоженным: бревна от времени почернели, краска на оконных рамах потрескалась, труба наполовину раскрошилась. На крыше сарая, вплотную примыкавшего к дому, рубероид сорвало ветром. Забор упал. Понятно, что здесь давно никто не жил. Но Правдину Афанасьевну волновало не это. Она наконец-то входила хозяйкой в тот дом, где родилась, где счастливо жила ее семья...

Старушка перекрестилась, поклонилась в пояс:

— Здравствуй, дом родной! Всю жизнь ждала эту светлую минуточку.

Сыну стало как-то неловко, он заторопил мать:

— Давай зайдем, что тут стоять?!

— Возьми ключ, отворяй дверь! — Мать достала из кармана плаща ключ.

Поднявшись по обшарпанным ступеням крыльца, Максим отпер замок, открыл дверь, другую. За ним вошли женщины. На крохотной кухне у переборки стоял старинный кухонный стол, рядом такого же возраста стул. Слева — русская печь, справа — перегородка в комнату. Жанна огляделась:

— Дом небольшой, а работы предстоит много.

— Ничего, вместе всё осилим! — обнял ее Максим.

— Сынок... — Мать обессиленно опустила на стул.

— Да, мама?

— Выйди на сарай, поднимись на чердак, там у печной трубы справа проломленная доска, достань оттуда чугунок.

— Мам, а что там — золото? — приподнял брови Максим.

— Чистейшее! — загадочно улыбнулась мать.

— И ты думаешь, оно там? — указал пальцем на потолок сын.

— Хочу надеяться, что его никто не тронул. Иди уже!

Максим с Жанной вышли. Минуты тянулись невыносимо долго. Старушка не находила места: то нервно садилась на стул, то нетерпеливо вскакивала, то опять присаживалась и прислушивалась. «Интересно, что там происходит?» Сверху слышались неторопливые шаги по скрипучим половицам, — значит, сын на чердаке. Потом донеслось какое-то шуршание: видно, ищет проломленную доску. Какое-то время сверху не доносилось ни звука. «Наверно, не нашел... — Правда Афанасьевна скрестила руки на груди, тяжело вздохнула: — Ничего не поделаешь, здесь сорок лет жили чужие люди...»

Половицы снова закрипели, и через мгновение распахнулась дверь. В руках Максим держал небольшой старинный чугунок с отколотым верхом. Тот самый!

— Давай сюда! — Мать торопливо выхватила чугунок,

вытащила из него холщовую тряпицу и замерла.

— Мам, ну что ты? Давай разворачивай! Клад сохранился? Там золото?

— Может, там драгоценности? — не сдержалась невестка.

— Да, самые дорогие в мире драгоценности.

Правдина Афанасьевна развернула тряпицу. На ее коленях оказались крупные осколки стеклянной вазы.

Сын и невестка одновременно ахнули:

— Осколки вазы?! Зачем они здесь?

Правдина Афанасьевна отложила осколки на стол, бережно достала из сумки сверток, аккуратно разорвала бумагу. Максим с Жанной увидели изящную стеклянную вазу-сахарницу на тонкой ножке.

— Начинаем обустраиваться в доме с вазы? — не понимал, что происходит, сын.

— В войну настоящего чая не было, покупали в магазине сушеную грушу, запрессованную в брикеты, и заваривали. Нам с Гришей (я рассказывала, это сын папиного брата) безумно нравилось жевать эту вкусную заварку. Она обычно лежала вот здесь, на полатах, — Мать подняла руку и показала, где раньше были полати. — Рядом сахарница стояла, ее отец еще до войны матери в подарок из города привез. Гриша вставал на четвереньки, я забиралась ему на спину, дотянувшись до полатей, доставала заварку. Отрезали ножом небольшой кусочек, потом я снова вставала на спину брата и возвращала брикет на место. В тот злополучный день Гриша

пришел, как обычно, днем. Мы попробовали достать наше лакомство, но мама, как нарочно, положила брикет ближе к стене, длины моих рук не хватало. Грише пришлось выгнуть спину дугой, чтобы поднять меня как можно выше. Только я нащупала брикет, как дверь распахнулась и влетела взволнованная мама:

— Обедать...

От неожиданности я дернула рукой, зацепила сахарницу, та с грохотом упала на пол и разбилась. Мама на миг оторопела, потом схватила меня в охапку, утащила в комнату:

— Ах, сорванцы! Ишь, чего удумали!

Гришка убежал домой. В тот день я досыта наелась безрезовой каши. Получая очередную порцию, пыталась оправдаться: «Я не виновата! Вот вырасту, научусь писать, всем расскажу, что без вины наказываешь...» Столько лет прошло, а чувство, что мама со мной поступила несправедливо, не отпускает. Да, сахарницу разбила я, но не нарочно же, нам-то нужен был не сахар, а заварка. Только вот маме в этом признаться так и не смогла.

— Бабушке так ничего и не рассказала? — сделал вывод Максим.

— Не получилось. Всю жизнь мечтала: вырасту, куплю новую сахарницу, принесу маме и покаюсь... Купить-то я ее купила, на первую же зарплату, да мамы уже не было. У отца — новая жена, кому душу изливать?

— А нам рассказали, — разочарованная неоправдавши-

мися надеждами, выдавила невестка.

— Не знаю... зачем? Может, чтобы освободиться от чувства вины?

Гаврикова Нина

Наследственность

Старинные часы строго чеканили шаг:

— Тик-так, тик-так.

За столько лет своей жизни они видели многое, но имели одно железное правило: нельзя ни на минуту убежать вперед, а тем более отставать, всё должно быть точно и в срок.

Часы-ходики помнили старую хозяйку, она их в войну на базаре за карточки на хлеб выменяла.

Принесла в комнату общежития, повесила на стену и долго молчала, сев за стол и подперев подбородок кулаками. Часы с большим удовольствием слушали ее мысли. Тоня недавно приехала из Тотьмы работать на заготовку торфа. Дома, в деревне у них были точно такие же с тяжелой гирей на тонкой цепочке, а главное, на циферблате была напечатана картина Шишкина «Утро в сосновом бору». Тоня с большим удовольствием разглядывала мишек, ползающих по дереву. Она любила ходить с отцом на охоту, правда, с медведем они так ни разу и не встретились. Может, это и к лучшему. Сейчас отец на фронте, а писем нет...

Когда часы в свою квартиру забрала дочь хозяйки, они остановились и ремонту не поддавались. А как иначе? Часы

слышали, как муж молодой хозяйки ворчал, что ему мешает спать громкое тиканье.

Но она настояла оставить часы и повесила их в кухне. А сама долгими вечерами, как и ее мама, сидела молча и вспоминала прежнюю жизнь. Она с улыбкой вспоминала, как мать частенько забиралась на стул, подносила ухо к часам, слушая их дыхание, и пыталась выравнять шаг, чтобы маятник раскачивался одинаково в обе стороны: ти-и-ик та-а-ак. Часы знали, что у старой хозяйки был обостренный слух, она работала трактористом и всегда тщательно следила за работой двигателя. Любую поломку могла на слух определить.

Вот и сейчас часы специально затаили дыхание. Молодая хозяйка забеспокоилась:

— Что-то не так, — встала на стул, поднесла ухо к циферблату, рукой поправила циферблат, чтобы удары были равными, как влево, так и вправо.

Часы, закрыв глаза, с великим наслаждением громко застучали:

— Ти-и-ик та-а-ак, ти-и-ик та-а-ак.

— Ой! Как интересно, а можно я?

Часы раскрыли глаза и удивились — на соседнем стуле, внимательно прислушиваясь к их такту, стояла внучка старой хозяйки...

Юлия Грачева

Свекровь

Седые волосенки у старушки,
Что в электричке с сыном у окна,
Торчали пухом в мелких завитушках,
И словно в нимбе ехала она.

Святая? Но с каким негодованьем
Ворчала и пускала в ход шлепки!
На них глазели люди со вниманьем
И прятали от бабушки смешки.

«Развод удумали! А как же дочка?
Раз вы такие «умники» вдвоем
Зачем я вам?» — корила мать сыночка.
А тот молчал и думал о своем...

С супругой накануне перебранка,
Что на развод решила подавать.
И тут еще прилюдно, наизнанку

Терзала душу собственная мать.

«Да! Ты неряшлива, глупа, ленива», —
Он вспоминал, качая головой,
Свои слова, что выпалил спесиво,
Когда упреки сыпались с лихвой.

«А как, скажи, прожить на эти крохи?
Что толку, что повышенный оклад.
Супец не надоел ли на горохе?
В долгах живем мы восемь лет подряд!

Неряшлива? Да я давно, как белка,
Кручусь между работой и семьей.
Готовка, стирка, в детский сад поделка.
Устала страшно с этой беготней!

А ты с работы на диван. И что же?
Когда по дому ты мне помогал?
Живешь, как барин с ручками вельможи!
Не стыдно упрекать меня, нахал?!»

А электричка мчится среди лета,
И верещат кузнечики в траве.

Земля в цветах и зелени согрета
В блаженном и нарядном торжестве!

Сын бережно мать вывел из вагона,
Но мать от прикосаний стала злей
И нервно шла по людному перрону.
Теленком сын послушно шел за ней.

В дверях вокзала с кислой миной
Их встретила (пока еще) жена,
Как знала, что не сядет мать в машину,
Когда за руль посмеет сесть она.

В молчании поплыл столичный город.
Трамвай, пешеходы, светофор...
Чета и мать боялись вызвать повод
На неизбежный трудный разговор.

Подъезд в тени молоденькой сирени.
Приехали. На бабушке стремглав
Повисла внучка. В ссадинах колени
И в чем-то липком вымазан рукав.

— Тяжелая, однако, ты мне стала!

А я тебе клубнички привезла, —
Старушка вдруг смягченно просияла, —
Проказница такая, не ждала?

— А ты возьмешь меня к себе, бабуля?
В ответ старушка встала у дверей,
Прищурилась к невестке: — Слышь, «мамуля»!
Давай-ка собери ее живей!

Сноха: — Вы уезжаете? Так скоро?
И удивленно приподняла бровь,
А про себя: «С ней бесполезно спорить!
Ведь та еще! С характером свекровь...»

Когда ж наедине осталась с сыном,
Сказала ему тихо, невзначай:
— Не я, сынок, сводила вас, а ныне
Не мне вас разводить, ты так и знай!

От ветерка взъерошились каштаны,
Наполнен двор веселой детворой.
На лавочке судачили их мамы
В погожий и неспешный выходной.

Поймав такси, обратно до вокзала,
Старушка, внучку нежно теребя,
Родителям напутственно сказала:
— В конце июля жду вас у себя!

В дороге, слыша внучки лепетанье,
Под стук колес досужий, как дурман,
Она ушла в свои воспоминанья,
В прожитый и несказанный роман.

«Растила сына с мужем, но без мужа,
Который крайне редко трезвый был,
А если в трезвом виде — злился дюже,
Да в бестолковой ревности гнобил.

И так же, по хозяйству поспевая,
В своем селе работала врачом.
И огород, и сборы урожая.
Тащила на себе семью и дом.

А муж с работы возвращался пьяный
С тирадой из ругательств и угроз,
Искал на водку деньги и буянил,
И выгонял босую на мороз!

Не жаловалась людям со слезами,
Таила, что не стоило скрывать...
А сын с невесткой разберутся сами.
Не ценят молодые благодать!

Бабуля внучку обняла со вдохом:
— Мое ты золотце, кровиночка моя!
И всё же без семьи ребенку плохо,
Какая ни какая, а семья!

Июль проходит в будничных заботах:
Мансарда в осах, варится компот,
А рядом внушка, жмурясь от зевоты,
Для бабушки половник подаёт.

Собаки лай. Машина у дороги,
Знакомая по цвету. Хлоп дверей.
Бабуля с внучкой встали у порога:
— Приехали! Иди, встречай скорей!

Девчушка к папе бросилась вприпрыжку,
Повисла на навьюченных руках.
Отец достал ей плюшевого мишку,
И заблестели лучики в глазах.

Смотреть на девочку без умиления
Никто из взрослых, видимо, не мог.
Сноха, чуть розовея от волнения,
Преподнесла свекрови свой пирог.

Знакомить друга понесла девчушка
С отрядом кукол, зайцев и щенков,
А мать за разговором ставит кружки,
Хлопочет с самоваром. Стол готов.

Немая сцена. Тишина повисла.
И только ходики размеренно стучат,
Что дополняли важности и смысла,
Когда о главном близкие молчат.

— Прости нас, мама! — начал сын, вставая,
Потом запнулся, — знаю, ты простишь!
Вчера узнали... В общем, дорогая!
У нас второй появится малыш!

От ветра колыхнулись занавески,
Дождем в окно пахнула благодать
И с облегчением, глядя на невестку,

Благословила их святая мать!

Елена Громова

Всплеск

*Я читаю книгу песен,
«Рай любви — змея любовь» —
Ничего не понимаю —
Перечитываю вновь.
Яков Полонский*

Всю ночь Лилия Петровна не могла уснуть, ворочалась на кровати, вставала и пила воду, смотрела в окно. Думала и спрашивала себя:

— Правильно ли я делаю?

И отвечала:

— Конечно, правильно. Это грех, убийство. Мы справимся.

Ночью воспоминания стучались в мозг, в душу. И детство, и взрослость делились у нее на счастливые и трудные.

— Пережила же, — прошептала она, — и сейчас переживем.

Лилия Петровна перестала сопротивляться волне воспоминаний.

Детство в коммуналке. Ей, девчонке, совсем не мешали соседи. Мама и папа рядом, в одной комнате. У них работа,

у нее школа. А выходные!

Лилия Петровна вспомнила прогулки по набережной и Летнему саду и улыбнулась.

Ах, какие прогулки! По дороге покупали мороженое и конфеты «Морские камешки». Лиля любила эти конфеты. Они выглядели как галька на берегу. Камешки разной формы: большие и маленькие, круглые и не очень, и похожие на фасоль или запятую, и цветные. Цвет не яркий с перламутром: сероватый, голубой, красный, коричневатый. В каждой конфете орешек. «Камешек» сначала гоняла во рту — сладко, потом грызла орех, тоже вкусно.

Во рту у Лилии Петровны появилась сладость. Словно снова перекаtywала «Камешки». Но вот остались одни твердые орешки. Сладость пропала. Лилия Петровна помотала головой, почувствовала, как заныло в области сердца. Но память настойчиво продолжала откапывать в уголках картинки из прошлой далекой жизни.

— Было, да быльем не поросло, — сказала она вслух.

Однажды папа уехал в командировку. Мама ходила задумчивая и грустная. Ночами плакала. «Скучает», — думала Лиля. Успокаивалась мыслью: «Папа вернется и всё будет хорошо». Но он не возвращался. Как-то Лиля поссорилась с соседом Вовкой и крикнула:

— Вот приедет папа из командировки, он тебе покажет!

На лице Вовки появилась ухмылка. Недобрая такая, ехидная. При этом в Вовкиных глазах мелькнуло что-то похожее

на жалость. Он ничего не сказал, повернулся и ушел. Лиля смотрела вслед, злость проходила, возвращалось сострадание. Из случайно услышанного разговора мамы с подругой про Вовку, она знала, что жил он вдвоем с мамой, отец их бросил. И вдруг Лилю обожгла мысль: «Нас тоже бросил». Она почувствовала, что запылали щеки и похолодели пальцы, развернулась и убежала. Несколько дней Лиля бегом поднималась по лестнице, не выходила гулять, стараясь не столкнуться с Вовкой. Стыдилась даже не того, что отец ушел, а своей недогадливости. У мамы ничего не выясняла. Просто перестала говорить о приезде отца и о нем вообще.

Жизнь изменилась. Денег не хватало, мама экономила. После восьмого класса Лиля не пошла в школу, а поступила в техникум, несмотря на мамины возражения.

В техникуме Лиле понравилось. Особенно то, что ребята одноклассники еще школьники, а она студентка и будущий специалист. Почувствовала себя взрослой и гордилась, что стипендия облегчает маме жизнь. Целыми днями пропадала на занятиях или на практике, которая началась уже с первого курса — мыли пробирки в лаборатории.

Вечерами, дождливой осенью или завывающей ветром зимой, Лиля читала. Устраивалась в уголке дивана, подогнув ноги, и переносилась в другой мир. Переживала счастье, мучилась от неразделенной любви, страдала вместе с героями Достоевского и Тургенева, Цветаевой и Ахматовой, Ремарка и Хемингуэя.

Еще Лиля открыла для себя театр и филармонию. Там привлекало всё, чинная публика и прекрасная музыка. Нельзя сказать, что Лиля в музыке разбиралась, но ее звуки проникали от кончиков пальцев до самого сердца. Волшебный звук скрипки то поднимал в душе бурю, то наполнял спокойствием и негой. Так не хотелось, чтобы он замолкал. Чайковский, Бетховен, Шопен... Лиля знала их биографии, покупала пластинки и слушала, сидя дома с книжкой. Музыка Лилю восхищала и завораживала, тревожила и успокаивала, но ей не приходило в голову, что она может подарить необыкновенное счастье. Просто музыка заполняла одиночество, когда мама задерживалась.

Однажды мама пришла домой не одна и представила:

— Знакомься, Лиля — это мой муж Георгий Николаевич.

Георгий Николаевич поселился у них. В маленькой комнате сразу стало тесно. Лиля всё время чувствовала неловкость. Смущали мамино подобострастное внимание к мужу и его снисходительность к ее заботе. Лиля старалась меньше находиться дома. Читать под звук телевизора сложно, а слушать музыку невозможно, поэтому Лиля после занятий пропадала в библиотеке или на концертах. Чаше в консерватории.

Лилия Петровна закрыла глаза и словно очутилась в удобном кресле. В ней зазвучала музыка Шопена и слилась с шелестом дождя за окном.

— Опять пошел дождь, — сказала Лилия Петровна и по-

дошла к окну. Ее отражение в стекле скрыло следы прожитых лет. Там стояла молодая Лиля, которая познакомилась с красавцем Юрой, студентом консерватории.

— И что он во мне нашел? — подумала она, — не красавица.

Лилия Петровна лукавила. Она знала — что. Юра много раз говорил об этом. Его покорили Лилины глаза. Большие, карие, миндалевидные. Верхнее веко чуть прикрывало глазное яблоко, и от этого появлялась загадочность. А еще с первой встречи ее глаза засветились любовью. Нет, не влюбленностью, любовью. Как пелось в популярной тогда песне — «потому что это колдовство». Они и околдовали Юру.

— Да, мы были счастливы, — подумала Лилия Петровна.

Юра. Среднего роста брюнет с дугами черных бровей над голубыми глазами, волевым лицом и серьезно—спокойным взглядом. Хорошо сложен, и ему шло всё от спортивного костюма до классического.

Через полгода они поженились. Лилия уже окончила техникум и работала, а у Юрия оставался последний курс. Жили в общежитии на зарплату и стипендию. Не богато, но прекрасно. В заботах и мечтах, музыке и любви. Лилия с радостью делала всё, только бы Юра, будущий композитор, мог отдаваться учебе и творчеству. С восьми до шестнадцати работала в лаборатории, затем бегала по магазинам и готовила ужин. Часто, перекусив, они мчались на концерт. После концертов в их небольшой и уютной комнатке собиралась тол-

па сокурсников Юры и до трех или четырех часов ночи горячо говорили о музыке и музыкантах. Лиля хорошо знала, что происходило в музыкальном мире Питера и страны. Она давно привыкла спать по три-четыре часа в сутки и не чувствовала усталости.

Пролетел год. Юра блестяще защитил диплом и получил два предложения: работать в Питере или поехать преподавать в новую консерваторию в небольшом северном городе. После выпускного вечера Лилия с Юрой до утра обсуждали «за» и «против». В Питере яркая и активная музыкальная жизнь, но и мэтров много. Молодому композитору не просто и с жильем перспектив нет. Долгие годы жить в общежитии, а потом получить комнату в коммуналке? На севере же консерватория только открылась, кадры нужны и квартиру обещали дать сразу. До Питера одна ночь в поезде. Правда Лилия родилась и выросла в Ленинграде, но Юрины перспективы важнее. Да и людям в провинции музыка нужна. К утру решили — едут на север.

Собирались с удовольствием. Казалось, что отправлялись в длительное путешествие. Юра съездил, познакомился с городом, оформился на работу и даже посмотрел квартиру, которую им выделили. Вернувшись, он без конца повторял: — Вот увидишь, тебе понравится. Уютный городок.

Лилия и не сомневалась, что ей очень понравится любой город, если в нем — Юра.

Прекрасным летним утром ленинградский поезд прибыл в незнакомый Лиле город. Он сразу поразил чистотой и зеленью. На привокзальной площади стояли полукруглые дома-близнецы, а между ними вдаль и вниз уходила широкая улица. Там она сливалась то ли с небом, то ли с озером. Их новый дом находился в двух кварталах от вокзала. Весь багаж — два небольших чемодана, ведь вещей нажить не успели. До дома добрались минут за пятнадцать. Квартирка, небольшая, двухкомнатная на последнем этаже хрущёвки, показалась дворцом. В пустых комнатах гулко отдавались шаги.

— Лилька, это всё наше! — весело кричал Юра, переходя из комнаты в кухню и обратно. — Кухня только наша, ванна наша и спальня наша!

Лиля светилась счастьем. Ей прекрасно жилось и в общежитии, а здесь отдельная квартира. Она никогда не жила в отдельной квартире. Они ходили и смотрели, смотрели. Потом Юра убежал в консерваторию. Она располагалась в одном здании с общежитием, комендант которого по просьбе ректора выделил новому преподавателю стол, пару стульев, кровать, чайник и два стакана. Юра поймал какой-то грузовик, и уже к двенадцати часам привез домой мебель. Притащил кусок колбасы, батон и сахар. Никогда в жизни они не ели такие вкусные бутерброды! Юра жевал, рассказывал и одновременно поглядывал в окно на видневшееся вдалеке озеро. Вдруг Лиля побледнела и перестала есть.

— Тебе нехорошо, родная? — спросил Юра.

— От счастья укачало, — пошутила она.

У Юры оставалась пара свободных дней. Они знакомились с городом, гуляли по набережной. На питерские, законченные в гранит, она не походила. Вдоль берега озера тянулась аллея из стройных красивых тополей. Асфальт на аллее в поперечных трещинах. Корни деревьев упрямо пробивались сквозь него. С одной стороны метрах в трех от аллеи тянулся берег озера, усыпанный валунами. Камни лежали на дне и торчали из чистой и прозрачной воды. В спокойную погоду волны плескались вокруг них, лаская и сглаживая. С другой стороны вдоль набережной раскинулся старый парк с сеткой песчаных дорожек. Вдалеке виднелась пристань и множество белых теплоходов больших и маленьких. Еще дальше вонзались стрелами в небо портовые краны. Там находился грузовой порт. Длинные такелажные суда с белой рубкой на корме стояли под погрузкой или ожидали очереди на рейде.

С городом Лиля и Юра сроднились быстро. Не полюбить место, где тебя переполняет счастье, невозможно.

Лилия Петровна вздохнула, посмотрела на часы. Стрелки уже дотащились до половины пятого, а сон не приходил. За окном брезжил рассвет. Сердце ныло и ныло.

— Давление что ли измерить? — всё так же вслух спросила себя Лилия Петровна.

Виски давило, появилась боль в затылке. Посмотрев на

тонометр, она приняла таблетки и легла. И с закрытыми глазами воспоминания текли своим чередом, словно запись на киноплёнке.

Тошнило Лилю не от укачивания счастьем. Неприятные ощущения повторялись каждое утро. Они извещали о том, что счастья бывает еще больше.

Юра с головой окунулся в работу, а Лиля обустроивала дом. Ей доставляло удовольствие ждать мужа с работы, придумывать, что и как приготовить к обеду и накрывать стол к его приходу. Они не пропускали ни одного концерта, ни одной премьеры в театре. У Юры появились новые произведения. Вскоре его заметили. В репертуаре местного симфонического оркестра зазвучала его музыка.

Лиля округлилась и похорошела. Беременность ей шла. Она стала женственнее, а глаза еще загадочнее. Ведь она видела и слышала не только то, что происходило вокруг, но еще и то, что внутри. Она была счастлива, как когда-то в детстве. Теперь, уходя на работу, Юра ее целовал и, нежно положив руку на ее живот, говорил: «Пока, малыш! До вечера!». А перед сном они смеялись, наблюдая как Лилин живот, начинал выпячиваться то в одном месте, то в другом.

— Коленка или пятка? — спрашивал Юра.

— Может локоток.

— Активный малый, однако!

Весной Лиля родила дочку. Юра сиял от счастья и гордости. Дочку называли Викторией. Совместные походы в фи-

лармонию и театр пришлось прекратить. Но каждый вечер, Юра подробнейшим образом рассказывал Лиле впечатления от концерта или спектакля и ласково утешал жену:

— Подрастет дочурка, и будем ходить втроем.

Вика росла, пошла в садик. Лиля устроилась на работу. Жизнь усложнилась. После работы бежала в садик за Викой. По пути из садика в магазинные очереди. Затем к плите. Всё не страшно, ведь вечером приходил Юра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.